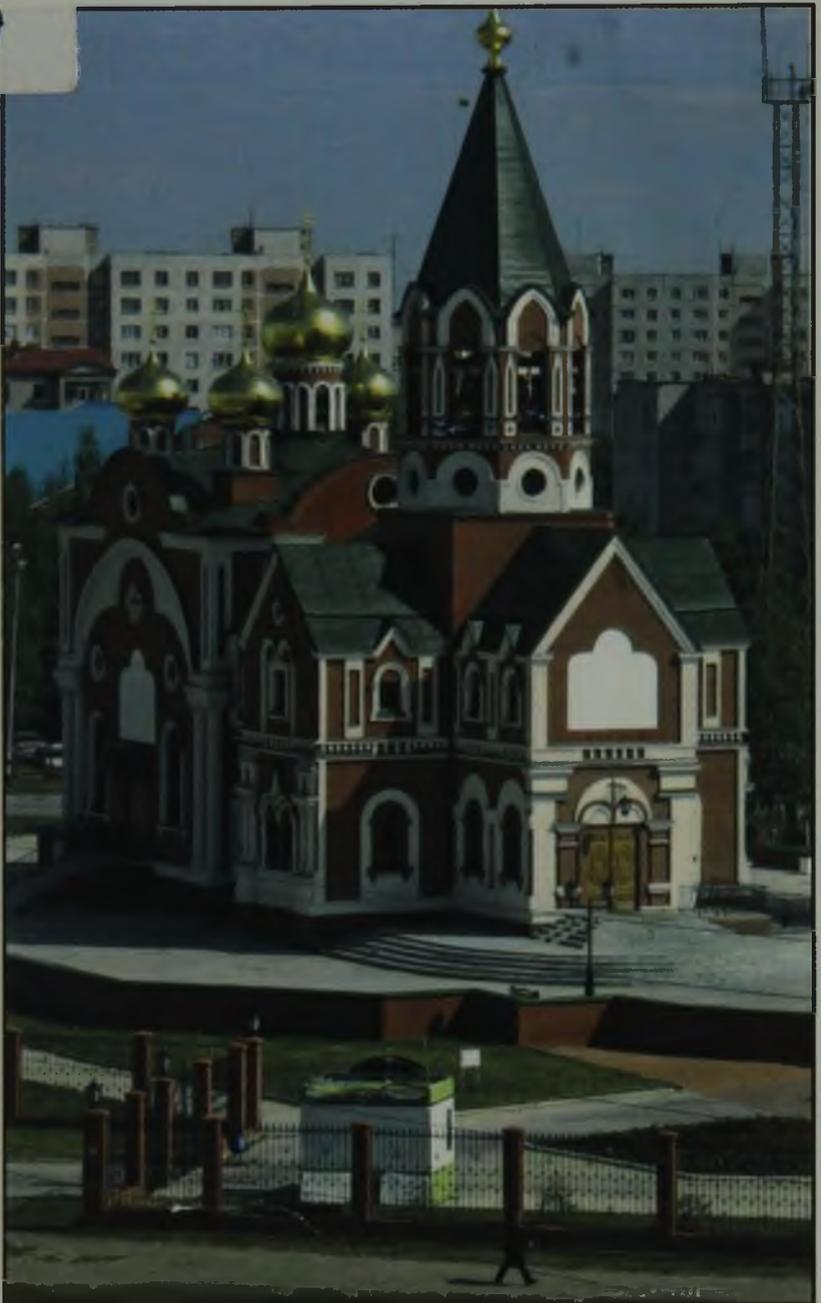

84(2Рос=Рус)6

К 59

Виктор КОЗЛО

**ОТ ПОКРОВА
ДО ПОКРОВА**

стихотворения и поэма

**Библиотека поэзии
Каменного пояса**

БК

Виктор Козлов

ОТ ПОКРОВА ДО ПОКРОВА

Стихотворения и поэма

- 0103577-3 -

Екатеринбург
2007

Государственная
библиотека
Югры

КО

Государственная
библиотека
Югры

ОЭ

**ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К59**

Книга издана при финансовой поддержке
администрации города Мегион

Редактор серии
Л.П.Быков

Редактор тома
Г.В.Иванов

К59

Виктор Козлов

От Покрова до Покрова. Стихотворения и поэма.
— Екатеринбург: Банк культурной информации,
2007. — 312 с.: илл. — (серия «Библиотека по-
эзии Каменного пояса»)

ISBN 5-7851-0584-5

Избранные стихотворения поэта Виктора Козлова —
итог многолетней и плодотворной работы, своеобраз-
ная летопись, ода освоению человеком огромных про-
странств Западной Сибири.

- © В.Н.Козлов, 2007
- © Н.В.Денисов,
вступительная статья, 2007
- © Ю.Н.Филоненко,
художественное оформление
серии, 2007
- © И.Б.Старцева, художественное
оформление тома, 2007
- © Банк культурной информации,
оформление, составление,
серия, 2007

ISBN 5-7851-0584-5

ПРИТЯЖЕНИЕ СЕВЕРА

На давних — теперь уже старинных фотографиях он геолог, романтик, поэт. Виктор Козлов при упрямом чубе, решительном взоре, как и положено первопроходцу севера, смотрится соответствующе... Сегодня он чуть огрузнел, посолиднел, голос с хрипотцой — следствие многолетней «дружбы» с ветрами и выюгами, работой, как говорят, в экстремальных условиях. Особенно в начале своей первопроходческой биографии...

Начало 60-х годов. Разбуженные первыми открытиями нефти и газа недра Тюменского севера. Для меня, тюменского «южанина», вчерашнего десятиклассника, слагавшего первые стихотворные строки, он, наш север, неведомый пока, представлялся этакими красками: «Там знамена алеют над чумами, а в тайге еще ханство Кучумово». Образ! Гипербола! А молодые романтики, выпускники геологических и нефтяных вузов, приехавшие на север по распределению, видели его в другой красе: топи и болота, полчища комаров, мошкары, палатки, буровые вышки, трактора, тонущие в болотах. И — первые брусчатые дома будущих городов! И все это ради высокой цели! И все это — ради страны!

Была энергия, был соответствующий дух, была радость участника великих открытий, великого

времени! И, естественно, душа откликнулась на эти события. В том числе и стихотворными строчками. И это было открытие: новой тематики, в первую очередь. Свежие ритмы, образность, поэтическая инструментовка строк, предметность, сам дух первородства ворвался в тишину наших «полевых» и «ромашковых» раздумий о Родине, признаний в любви к отчему краю. И вот как-то, приехав из села в Тюмень, нашел я на книжном прилавке сборник стихов местных авторов. В нем было напечатано и яркое, запомнившееся мне на многие годы стихотворение неизвестного мне тогда Виктора Козлова: «Весеннее». Приведу эти строки полностью:

Это здорово — правда? —
очутиться в Тюмени
вот в такой же весенний
ослепительный день,
и почувствовать заново запах сирени,
и увидеть
сиренево-синюю тень...
Это здорово — правда? —
После серых, как скука,
и холодных, как смерть,
заполярных снегов
вдруг на землю упасть
и послушать: «А ну-ка,
как ты дышишь, земля,
ты здорова?
И я,
я чертовски здоров!
Чуешь,
как от меня
пахнет волей и потом

и как ноги блаженно
гудят в сапогах?
Им досталось шагать
по тюменским болотам:
как-никак, а всю зиму, земля,
на ногах!..»
Это здорово — правда? —
шагать по асфальту
в остроносых ботинках,
легко — как босой!..
Так и хочется сделать
на улице сальто
или просто пройтись
по земле колесом!
...В сквере возле вокзала
звонкогорлое пенье —
здесь скворцы начинают
раньше прежнего петь.
Это здорово — правда? —
очутиться в Тюмени,
а потом до весны
вновь в тайгу улететь.

Немало писалось в ту пору стихов и горячих очерковых строк о наших тюменских свершениях. Заезжими и местными поэтами. Большинство из этих стихотворцев канули в неизвестность. Немногие, более сильные по таланту, по судьбе, заявили о себе и о времени книгами, стали профессиональным литераторами. Среди них и мои друзья — поэты Владимир Нечволода и Андрей Тарханов, геолог и прозаик Геннадий Сазонов...

Беру с книжной полки томик стихов — тоже коллективный — серия «Библиотека современ-

ной поэзии и прозы» (издательство «Молодая гвардия», 1967 год). Здесь в ряду классических строк Маяковского, Твардовского, Луговского, Симонова, Смелякова, Мартынова, Рубцова и других именитых – стихи Виктора Козлова. Он представлен двумя стихотворениями – «Весеннее» и «Сургут», в котором есть такие строки:

Жара и пыль,
комар и мошкара,
и перекур здесь по-солдатски краток.
Вокруг Сургута, словно детвора,
толпится целый выводок палаток.

Это реалии, предметность тех лет талантливым пером Виктора Козлова, превращенная в поэтическую реальность. Успешно дебютировав в поэзии, Виктор Козлов не оставил геологию. Работе этой отданы десятилетия. Поступи он иначе, т.е. уйди он в ту пору на «вольные литературные хлеба», в его багаже было бы, наверное, больше изданных книг. Но, сообразуясь со своим понятием долга, человек сам выбирает свою стезю. И для нас сегодня важен факт, что Виктор Козлов в хлопотах производственных находил время для занятий литературным трудом. А это – воля, подвижничество!

Как многие русские поэты советской эпохи, на чью долю выпало жить на острие времени, Виктор Козлов – родом из детства. Именно в тех горьких сиротских годах – истоки его поэтической биографии, патриотизма, гражданской

позиции, веры в справедливое устройство мира, несмотря на все катаклизмы эпохи.

И сегодня в пору скороспешной «переоценки ценностей», а точнее, смуты и разрухи в Отечестве, поэт не изменяет судьбе, убеждениям, любви к родине, к России. Об этом он очень пронзительно сказал в одном из недавних по времени написания стихотворений:

На фронте мы не воевали, —
хлебнули горя мы в тылу:
картошку мерзлую едали,
кору, крапиву, дикий лук.
На воле жили — как в неволе;
к тому ж — беспаспортные сплошь!
И на себе пахали поле.
И высевали в поле рожь.
И от станков не отходили,
тянули жилы, как струну...
Но Боже! Как же мы любили
Свою страну... СВОЮ СТРАНУ!
Свою — от ночи до рассвета,
в снегах, в слезах — СВОЮ!
не «эту»!

Точно, пронзительно сказано. Горько. И — светло.

*Николай Денисов,
лауреат литературной премии
Тюменского комсомола
и премии Д.Н.Мамина-Сибиряка.*

*От Покрова до Покрова —
два волшебных рукава:
мах одним — белым-бело! —
землю снегом замело...*

*Мах другим — из рукава
изумрудная мурава...*

*От Покрова до Покрова —
вся в заботах голова:
то страданье, то страда —
вот и голова седа...*

1992 г.

ПУТЬ В МАЛЫШОВКУ

ВОСПОМИНАНИЕ О МАЛЫШОВКЕ

ПУТЬ В МАЛЫШОВКУ

— **А**й, знаком, мин сапсим аптраган!¹ —
сокрушалась башкирка-хозяйка.
— Мал-мала твой кызымка-малайка...
Хошь какой бы ни то таратайка,
путь тяжелый: с самой Карламан!

— С Божьей помощью, уж как-нибудь! —
материнский голос хоть тревожен,
но счастливо праздничен: — Даст Боже,
потихонечку дойдем, не обезножим:
чай, в родимую сторонку держим путь...

...Небо выгнулось высоким, голубым
куполом огромным — небосводом!
Из него потопом льется золотым
Свет на землю,
пахнущую медом;
А земля — струит прозрачный дым.

Воздух так таинственно журчит,
что ответно трепыхается сердечко.
— Жаворонок! — с придыханьем говорит
мать. — Терпите, отдохнем у речки...
Эко, жаром пышет — как из печки!

¹ аптраган — страшно; кызым — девочка, малай — мальчик;
мин — я (*разговорн. башкир.*)

Хоть уже устало мы бредем, —
мал-мала, но все с посильной ношей, —
тешимся надеждой, что хороший
в Малышовке мы приют найдем,
и родимым станет новый дом...

Вся по матери родня
в Малышовке у меня,
по отцу родня — в Косихе.
Далеко теперь живет!
Мы уехали оттуда
словно бы навстречу чуду —
мать хвалилась: «В Малышовке
ТАК черемуха цветет
по уремам, по опушкам!
КАК там квакают лягушки!
А КАК СВИЩУТ
на рассвете
за деревней СОЛОВЬИ!..»
Все сбылось по этой части!
Жаль, не только в этом счастье.
Не РОДНЯ б, на новом месте
СВОЕГО гнезда не свить!..
Дядьки не возились с нами:
«Примечайте! Чай с глазами?!
Мы за вас —
не будем жить...»

В начальную школу в Покровку
я шел в сорок пятом году
с холщовою сумкой-обновкой.
В запущенном барском саду
в живой тополиной ограде
с железною крышею дом
смотрелся внушительно рядом
с осокою крытым селом.

...Звонок прозвенел, и морозный
озноб по спине пробежал.

Директор безрукий серьезно
успехов всем нам пожелал.

— А ну, поднимитесь, солдаты,
те, кто без кормильца сейчас...

И дрогнули парты — ребята
поднялись...

Почти что весь класс!

Стояли, потупясь, устало...

— Ну что же

Ведь вам за них жить!

Мы знали, что нам предстояло
в двойные впрягаться гужи...

ТРОИЦА

...*д* лебным духом печка дразнит:
наскребла мучицы мать!

Троица! Престоольный праздник!
Малышовку не узнать:
вся в зеленом обрамленье!
Аржанные косники
понесли на угощенье
девушки в березняки...

«Троица, Троица!
Земля травой покроеется:
нам не до жиру —
быть бы живу!»

Государственная
библиотека
Югры

0Э

Государственная
библиотека
Югры

КО

В Малышовке избы — из осины,
бани по-над речкой — из ольхи...
В Малышовке небо — синем-сине! —
словно взгляд у молодой снохи.

В Малышовке воздух —
чистым-чистый,
вкусный, как вода из родника!
В Малышовке девки — голосисты.
Парни — малолетние пока...

В Малышовке лапотки — из липы.
Школьные чернила — из крушин.
Бабы причитания — со всхлипом.
На гулянках песни — из души...

Во мгле искристой Малышовка.
Вокруг все кажется седым.
От каждой крыши камышовой
тропинкой в небо — сизый дым.

А мы — колядки тарабаним,
не понимая, в чем их суть.
А нам — кто пирожок с грибами,
кто крендель,
кто пятак
несут
с улыбкой,
в бережных ладонях...
А кто —
как побирушек, гонит!

... *А* тут и волки зачастили
по снегу талому. Следы,
не менее сковороды,
к утру застыли.

На этот раз из лесу, с тыла
они зашли — через зады.
Иду с предчувствием беды...

Ну, так и есть!..

Глаза застило,
представил: в стайку волк залез,
задрал овечку и исчез —
собак-то нет уж на заимке!

Все шло к единому концу.
Волк опоздал: увел овцу
вчера агент за недоимки...

*D*уплистые вязы в Казенном лесу.
 Там вяхири стонут, почуя грозу.
 Могучие вязы хранят полумрак.
 Под каждым кустом мне мерещится враг.
 С ножом самодельным
 иду и свищу.
 Колоду грибную в лесу я ищу:
 грибы на вязовых колодах растут,
 «вешёнками»
 их в Малышовке зовут.
 ...Ох, сколько вешёнок!
 Не верится аж...
 Вот мать удивится:
 «Добытчик ты наш!»
 Хорошие вязы в Казенном лесу!
 Я кузов с вешёнками
 еле несу...

Жаркий полдень...
Скулящий кутенок...
Рожь белесая выше меня.
Где-то рядом трусит жеребенок,
колокольчиком
школьным
звоня...
Это едет угрюмый объездчик
с сыромятным кнутом у луки.
И от страха сердечко трепещет,
под рубахой шуршат колоски...

В теплых сумерках перепелка
монотонно ко сну зовет.
Пыль пушистая на проселках
между пальцам ног течет...
Малышовка еще не скоро.
За угорьем бабы поют,
голосами плетут узоры
про любовь да про жизнь свою.
Тальниковым запахло дымом.
Ребяшня галдит у костра
и глазенкам молодыми
в чугулки глядит: не пора?
Молодая вкусна картоха —
за ушами пищит!
Вот бы хлебца — самую кроху! —
да попробуй сыщи...
В темных пажитях перепелка
убаюкивает: «Пора...»
На полынной подушке колкой
детство спит мое до утра.

ЖАРА

Ч асов пятнадцать в сутки полных
жара такая, что подсолнух
не смотрит солнышку в глаза —
готов войти по шляпку в землю...
А под листом поникшим
дремлет,
шурша спросонья,
стрекоза.
Жара...
(Но холод — окаянной!)
В речушке нашей безымянной,
лениво на струе держась,
чуть подгребая плавниками,
как запыхавшийся,
глотками
хватает
жадно
воду
язы...

И и дождичка. Жара, как бритва.
В то лето голод нас морил.
Запомнил Крестный ход. Молитву,
что я голодный сотворил:
«Солнышко, не мучай,
спрячься за тучей.
Илья-Пророк!
Чтоб я промок.
Чтоб дождь —
на рожь.
На пшеницу и картоху.
На подсолнухи с горохом...
На гречиху и овес...
И на весь колхоз.
И на лен.
И на клен.
На траву-мураву...
На дубраву-урему...
На Казенный лес...
И — чтоб радуга с небес!»

Несли хоругвь худые руки.
И в знойном мареве на нас
глядел Нерукотворный Спас
сурово с бархатной хоругви.

1999 г.

ОСЕННИЙ ПРИЗЫВ 47-ГО ГОДА

91 áбок фуражка с околышем.
Шаткий — в обнимку — заплот.
Месяц встает или солнышко?
Рекрут никак не поймет.
Ну, земляки, и «уважили»!
Что? Собираться пора?
Ветры гудят не «по-нашему»...
Петь или плакать пора?
Эх, деревенская волюшка!..
Родная мамка, прощай!
Милка, любимая дролюшка,
верность хранить обещаи!

И — расставанье на росстани...
«Ну, возвращайся живой!»
Плачь — «Сохрани тебя, Господи!..»
Удаль и стон ветровой:

«Д-гори лес, д-гори поляна,
д-гори смородина...
Д-я на службу д-уезжаю...
Да-д-до свиданья, родина».

1998 г.

В тот год я пас корову.
Раз, на исходе дня,
какой-то нездоровый
вдруг сон сморил меня...

Когда очнулся,
Зорька
шершавым языком
меня лизала... Горький
в голодном горле ком
вдруг встал — и я от этой
от ласки... заскулил:
и то, что папки нету...
И то, что нету сил
у мамки — чтоб погладить
иль подзатыльник дать...

А Зорька влажным взглядом
глядит — совсем как мать...
Я разбирался в травах
и Зорьку пас с умом,
и был
спасен шершавым
молочным
языком...

30 На память мне осталась 70 года

заметка у виска —

вихор, торчащий малость

и вьющийся слегка.

Троза прошла,
но посмотри,
какое совершилось чудо:
леса,
подобно изумруду,
вдруг засветились
изнутри;
янтарно светятся
поля,
в твоих глазах
души свеченье...
И вся вздыхает с облегченьем,
как бы проплакавшись,
земля...

СОШЕСТВИЕ

И вот он — снег!..
Как будто в мае
пуржятся яблонь лепестки...
Всем сердцем зиму понимая,
освобождаюсь от тоски,
вдыхаю — чуть ли не со стоном:
ну что за воздух, что за сад! —
в нем нераскрывшихся бутонов
неуловимый аромат!

Пусть из густеющего роя
снежинок вьюга верви вьет, —
мне для душевного настроения
свободный нужен их полет!

Сквозь шум и грохот города-содома
души моей коснулся звук иной.
О, это состоянье мне знакомо:
уменье слушать — ты всегда со мной.

Мне повезло: я слышал звон вечерний —
малиновый! — на Рождество Христа.
Была душа — как ватман для черчения,
как лист атласный, — девственно чиста:
запечатлелись звуки те навечно,
на них настроен камертон сердечный.

РОДНИЧОК

У родничка, как у колодца,
встречались утром малышейцы.
И представленье у меня
сложилось в детстве:
тот родня,
кто воду брал здесь
ключевую,
не замерзавшую,
живую...

БАЛЛАДА О МИШЕ ТАЗЛАРЕ

У Миши-Тазлара загадочный взгляд.
Глаза его страшною тайной манят...
Мальцом проблуждал он в урмане все лето.
Под самым Тазларом башкир один встретил
бедняжку и свез на осенний базар,
и спрашивал там: «Чей Тазлар-балалар?»
Признал его тут же далекий сельчанин:
находку обмыли, как следует, в чайной,
и Мишу доставил родителям он...
Но разум у Миши был чуть омрачен, —
и радость смешалась с душевною болью.
Родительской он окружен был любовью,
но сверстники грубо смеялись над ним:
«Тазлар-балалар» да «немтырь-нелюдим».
Затворником стал он под свист и насмешки:
завидев людей, все бросал он и в спешке
бежал, куда ближе — домой или в лес...
И взрослым уже — он бесследно исчез.
А тем, кто дразнился, с тех пор, говорят,
мерещится всюду таинственный взгляд.

Лапоть башкирский плетется с носка,
русский плетется с пятки...

Липку я из лесу в пору таскал,
с лешим играя в прятки.

Сколько извел я лесной красоты,
сам удивляюсь ныне:
лыко — лапти, лутошки — на тын,
ветки — на корм скотине.

Жизнь заставляла выход искать,
ходить на носках и вприсядку...
Строить судьбу на песке, из песка.
Бить в «молоко» и в «десятку»...

...А лапоть — все лапоть: плетется с носка
или плетется с пятки.

2005 г.

БЕЗЫМЯННАЯ НАША РЕКА

Листья лип глянцеваты от меда.
Нет ни облачка, ни ветерка...
Уходя на ту сторону бродом,
Аниса мне протяжно кричала:
«До свидания, Вик-тор-рыка!..
Я тебя обдурил мало-мало...
Но син минеке бер!..²

Ах, как солнце тогда калило:
недород и голод сулило.
Но прекрасным казался мир:
грудь от радости распирало.
(Я жалел лишь, что я не башкир).

.....
Детство мое! Син минеке бер!

² Ты у меня один (одна) — башкирск.

В КРЕЩЕНСКИЙ МОРОЗ

С текла в окнах балка —
вроде плотного фетра.
За стеною зима
продолжает во всю лютовать.
Хоть бы каплю тепла
иль перо сыроватого ветра:
дай Бог, к Сретенью лету
хотя бы писульку послать.
А мороз, будто спирт, —
леденит, обжигает и сушит.
Так и лезет с иглой
в потаенные недра нутра.
На открытом юру
пламенеют и губы, и души.
Вот, когда нет милей
ничего,
кроме пыла костра!
Постою у огня —
и на время про возраст забуду.
И привидится мать, —
как вела меня в храм на заре.
На далеких крестах
солнце плавило божью полуду.
И крещеным домой
возвращался я — в свой Назарет.

1993 г.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

1

Рожь издали то ровной гладью,
то зыбью льется в небосвод.
А мама — будто прямо в платье
по золотой волне плывет...

А подошел — волна распалась
на трепетные стебельки.
Но мать косынкой утиралась,
как будто вышла из реки.

2

Над Параниным угорьем
солнце дымное встает.
Мать моя Вера Григорьевна,
на своей загонке жнет.
Ей погожий нужен день —
восемь соток трудодень!

Рожь на солнце золотится.
Ноги в кровь сечет стерня.
Прогибая спину, жница
мельком смотрит на меня:

службу я свою несу —
Зорьку на жнивье пасу.

Но лениво повилику
Зорька снулая жует...
«За какой же грех великой
все напасти на сирот?!» —
воскликает горько мать,
продолжая сноп вязать...

Мне до боли Зорьку жалко...
Верю в добрый я исход —
зря пропала, что ль, рыбалка?
Солнце, вечный доброхот,
поворачивает тень,
завершает трудодень.
Мы снопы в суслоны ставим...
Солнце за Казенный лес
опустилось, как за ставень.
Сумрак понизу полез,
и моих коснулся ног
шелковистый холодок.

К ведру золотится зорька...
Трубный голос подала,
оживилась наша Зорька.
Хорошо пошли дела!
Серп железный на руке,
серебристый — вдалеке...

Подойдет к окну — на улицу,
заглядится на троллейбусы,
на цветастые автобусы
и со вздохом говорит:

— Вот и я — давно ли лётала
на своих до Киекбаева
или к Ленке до Суворова?!
Это ведь не ближний свет.

Ноне же в Дежневку выползла,
вроде рядом, а измаялась.
Нет, сынок, силов уж нет.
Отходила я, отмыкалась.

Мне теперь одна дороженька:
если есть на небе Боженька,
то к нему на скорый суд,
видно, детки отнесут...

4. ВОЕННОЕ ФОТО

Когда тоскливою порой
одна в квартире-нелюдимке,
мать плачет, разбирая снимки,
со стоном шепчет: «Молодой!..
В два раза ты теперь моложе!
Ну, что с улыбкою глядишь?
Совсем стара я стала, вишь...

Уж скоро встретимся, похоже.
Дак, не узнаешь меня, милый...
Уж прости меня, родной,
что не нашла твоей могилы...
А может, ты еще живой,
как нагадала мне цыганка?..
Приворожила иностранка —
да не пускает тебя домой...
Коль так, то Бог тебя прости.
Сгорело все, и нету злости.
Знать, оттого и ноют кости,
чтоб на покой их отнести».

5

...Мать мне сказывала: в Сретенье
цыган шубу продает,
потому что зимка встретила
смерть свою в солнцеворот.
Оттого и эта оттепель,
и дороги развезло...
Может, мама, ты с отцом теперь?
Наше чуе ль тепло?

6

Только свое отпели
мамкины соловьи —
враз мы душой постарели,
брат мой и сестры мои...

Только ее черемух
белая стихла метель —
за Малышовкой в уреме, —
жесткою стала постель.

В пору глухую не спится,
пухнет от дум голова:
мысли — как мамины спицы,
словно петельки — слова...

Ах! Если б снова родиться —
стала б и мама жива.

7

Вот и снова печальная дата
наплывает, как зябкий закат.
Ко кресту твоему виновато
я прильну, как три года назад.

Ты в поблекшем сидишь полушалке...
Так щемяща твоя худоба...
«Как тебя мне, родная, жалко!»
...«Чё жалеть? Чай, такая судьба...»

8

Я — хороший,
но об этом знала
только мама... Жаль, что никому
из людей про сына не сказала...
...Может скажет Богу самому?!

И хоть февральские ознобы
проникли внутрь моей утробы,
и всё, что есть там, всё — трусит, —
представлю ль я передовую —
где так же стыло ветры дуют,
и где свинец во всю свистит?
Где взрыв смертельным снегом брызжет,
где надо жить — не просто выжить,
где надо есть, где надо пить,
пополнить про запас подсумок,
поспать и обо мне подумать,
случится — по нужде сходить?..
Нет, не могу себя заставить —
так прозаически представить
я жизнь предсмертную отца.
Хоть знаю, может все не так, — а
мне с детства видится атака
и — шквал фашистского свинца...
Отец встает: «Вперед! За мною!
Уж «постоим мы головою»
за Родину — ур-ра!..»
и дальше все — как в похоронке:
«...пал смертью храбрых под
Великими Луками

у деревни Ивановки в боях
за независимость Родины.
Вечная память героям...»

...На двадцать лет отец моложе
меня, но сердце мне тревожит,
не отошедшее досель,
туга — в февральскую метель...

* * *

И вот другой февраль — в Чечне...
На необъявленной войне
смертельно ранен лейтенант...
Кто он: герой или оккупант?
Как его будут вспоминать
другой пацан,
другая мать, —
не знаю,
но понять смогу
их горе — вечную тугу...

1995 г.

Радость в сердце пообвыкла,
я поверил, наконец:
на двухдневную побывку
приезжает к нам отец!
Едет полк его на Запад
из Улан-Уды — Читы...
У отца казенный запах,
но родимые черты.
Он меня совсем затискал,
так к груди своей прижал —
я от счастья только пискнул.
Он меня подмышки взял
и подкинул: «Ну-ка, сынка!
Вот так сынка!» — говорит...
А на матери косынка
синим пламенем горит.
А в глазах то жар, то холод:
«Коля, Коль, не урони!..»
Был отец силен и молод.
Командирские ремни
хорошо на нем сидели.
«Не грустите, я — вернусь!» —
обещал он. Мы ревели:
горе шло к нам, а не грусть.

ПОСЛЕ ПОХОРОНКИ

Порой меня ругала мать...
Быть может, просто — зло сорвать!
Но я же видел:
нет, не зло,
а горе душу маме жгло...
Был не в обиде.
Зато сдержаться я не мог,
как скажет мать:
«Терпи, сынок,
погиб ваш папка...» —
я забирался на чердак,
там горько всхлипывал в кулак,
прижавшись к балке.

1985 г.

У счастливых — отцы приезжают,
насовсем приезжают с войны.
Как они веселятся, гуляют!
Всех знакомых зовут, угощают.
На немецкой гармошке играют:
пыль столбом! Самогонка, блины...
Им, конечно, теперь — хоть бы хны!
...А мой папка погиб.
И не знает —
что
уже
приезжают
с войны...

1995 г.

...*П* акая мне душа дана:
без панциря, ранимая;
вся в кровь иссечена она,
вся в синяках, родимая;
ни зависти, ни злобы нет,
с любовью, в тихой радости
она прощает всех —
в ответ
на подлости и гадости...

41 а фронте мы не воевали, —
хлебнули горя мы в тылу:
картошку мерзлую едали,
кору, крапиву, дикий лук.
На воле жили — как в неволе;

К тому ж — беспаспортные сплошь!
И на себе пахали поле.
И высевали в поле рожь.
И от станков не отходили,
тянули жилы, как струну...

Но Боже! Как же мы любили
Свою страну... СВОЮ СТРАНУ!
Свою — от ночи до рассвета,
В снегах, в слезах — СВОЮ!
Не «эту»!

Я из тех, кто сейчас вымирает:
что за спонсоры — Совесть и Честь!
Колоски мы когда собирали —
не могли даже зернышка съесть:
«Всё для фронта!..»
А после Победы
мы трудились опять задарма:
то на верного друга — соседа,
то на Родину — в закрома.
А теперь,
при всеобщем раздрае,
ложь и наглость,
коварство и лесть,
замутили рассудок всем здравый,
растоптали и Совесть,
и Честь.
Нынче в фаворе хам и бесстыдник,
и проныра под видом купца.
...За Россию, конечно, обидно,
но обидней всего за отца.

Простим невольную обиду
да и злорадную — простим
друзьям
и не покажем виду,
что мы — страдаем и грустим.

Мы улыбнемся им при встрече
и пожелаем счастья им
при расставанье в этот вечер, —
простим обидчиков, простим.

...И, может, станем человечней:
не нанесем обид другим.

1994 г.

ОСНОВЫ ЖИЗНИ

Простую истину одну
я понял пацаном в войну:
«хлеб»,
«спички»,
«соль» и
«мыло» —
основой жизни было.

А жизнь тогда была крута.
Но ведь была и «доброта»...
Да! Доброта и Милость! —
Вот жизнь и сохранилась.

Сейчас все это вновь в цене.
А Милость с Добротой —
вдвойне...

НАВСТРЕЧУ ТЯГОТЕНЬЮ

И а долото, что поднято с забоя,
 с достигнутой впервые глубины,
 с волнением смотрю, само собою...
 С каким-то ощущением вины
 вращаю облысевшие шарошки:
 на них тускнеют, подсыхая, крошки
 глубинных —
 нутряных! —
 земных пород...

А память,
 сделав резкий поворот,
 подсказывает мне совсем другое:
 космический корабль, открывший
 в космос дверь!
 Небесная — там, здесь — земная твердь!
 Но то же устремление — благое!
 И долото навстречу тяготенью
 уходит вниз —
 как корень у растенья.

1967 г.

БУРИЛЬЩИК

Вурмане дизели рычаг,
лебедок цепи лязгают.
А он — всем телом на рычаг...
Увидеть можно разное
в его фигуре налитой:
одни увидят грацию,
а я — что нужно нам с тобой
внедрять механизацию.

1957 г.

Знал я, что Россия необъятна,
знал, что есть Сибирь, а в ней тайга,
белые неведомые пятна,
белая упругая пурга...

Напрягал свое воображенье,
только видел всю ее такой:
белых яблонь майское круженье,
и метель черемух над рекой;

города в узорном обрамленьи
спутников, поселков, деревень;
и поля в осеннем отдаленьи,
золотом заполненные вскленьи;

да дороги в шумных перелесках,
где ночуют встречные ветра...

И, конечно, что-нибудь довеском
виделось из нашего двора...

И в душе
с неясною тревогой
выплыло желанье посмотреть
ту Сибирь
и самому потрогать
и своим дыханием согреть...

*М*еня пургой не запугать —
мне нравится пурга,
когда взъяренная тайга
вздымает небо на рога
и, опрокинув на сора,
ревет восторженно: «Ур-ра!..»
Когда на продувных сорах
разбилось небо в пыль и прах,
и всё в космической пыли,
и нет ни неба, ни земли,
как миллиарды лет назад
всё вместе: рай, земля и ад...
Когда потом из белой тьмы
на твердь земную ступим мы, —
и горизонт от наших ног
пойдет на запад и восток,
с землею небо разделив, —
вдруг хлынет солнечный разлив...
В новорожденной тишине
весь мир иначе явлен мне.
А с неба падает пыльца...
И солнце капает с лица...
Тайга вокруг...
Иду по ней —
она и внове
и родней.

1961 г.

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

Всё прозрачнее, всё голубее,
всё звучней вокруг нас синева.
От восторга немного глупеет
закружившаяся голова.

Гул моторов и глуше и гуще.
Сердце чуть холодеет в груди.
Облака, словно райские кущи,
расступаются впереди.

Но прошло потрясение взлета.
По полям поспевающей ржи
мчится синяя тень самолета.
Но поля эти — как миражи!

Где он, запах созревшего хлеба?
Где он, шелест упругих стеблей?..
...На земле мы тоскуем о небе,
в небе тотчас грустим о земле.

1961 г.

...Под берегом шуршит шуга,
а у крыльца шумит тайга,
мшистая,
ершистая.
Уснули в доме крепко все,
и новый сруб, вздохнув, осел.
Будильник на столе стучит,
ребенок вдруг во сне кричит.
Чтоб тишину заштопать,
Мариин сразу шепот:
«Спи-спи, мужичок,
моя детынька...»
Шепчет Мария Наташе:
«Сошли с ума что ли наши?..
Вечно им больше всех надо!
Сказало начальство — и рады...
Детей, подлец, наплодил,
а сам, как вольный казак!..
Нету уж больше сил...
Хватит, намаялась так!
Лезешь вечно из кожи...
Я не двужильная тоже:
снег только вот стает —
уеду к мамке... в Расею...
Лиха на ус помотает,
живо забудет про Север...»

«Скоро река, Маша, станет...
Что тогда делать станем?..»
«Заколют наши дураки!
Хоть форсить им вовсе не с руки,
но подумать только — просто страх!
что там: в телогрейке, в сапогах...
А ведь там железо — в буровой...»
«Ну да твой-то Кеша — огневой,
а вот мой-то уж на что мозгляк,
а туда же... Я и так и сяк...»
...Осторожно, боясь наколоться,
над тайгой подымается месяц;
в дом проник через окна-колодцы —
темень тонкими ножкам месит;
притомившись, сидит на кровати
и ведет себя очень по-свойски:
вот примерил мой старенький ватник
и попробовал завтрак в авоське;
напоследок прозрачные пальцы,
как на клавиши, им на ресницы
опускает...
...Не лунные вальсы —
возвращенье мужей бабам снится.

1961 г.

У нас уже падают листья.
Идут проливные дожди.
Повадки у осени лисьи:
какой-нибудь каверзы жди.

Сиди целый вечер у печки,
кури или письма пиши,
на обласе плавай по речке
иль песни кричи от души.

А хочешь — опять на работу:
с восьми, с четырех иль в полночь...
Прояснит — сходи на охоту,
встреть Тайку — Мишину дочь...

И главное — ты же не мистик! —
что все у тебя впереди!
И пусть опадают листья,
идут проливные дожди.

1961 г.

Возноси ты не очень свой нос,
что в тайге тебя жучит мороз.

И не шибко выпячивай грудь,
что простерся в болотах твой путь.

Ты на людях собой не кичись:
интересна у каждого жизнь.

Просто, в деле своем, зная толк,
выполняй незаметно свой долг.

1961 г.

ТОПОГРАФЫ

*А*х, топографы, топики!
Кругом тайга —
ни дороги, ни тропки.
Трудно шагать.
Болотная каша
хлюпает, тинится...
Зато под елью
ресторан и гостиница.
Ветки еловые
нежны, пахучи,
орехи кедровые
вкусны — нет лучше.
Болота топки,
тайга густа...
Идут топики
чертовски устав.
Теодолит, как винтовка,
плечо натер.
Скоро палатка:
ночевка,
костер.
Сидят, отдыхают,
консервы жуют.
Костер полыхает,
создает уют.

Задумчивы, строги, 1142
глаза горят.
Не топики — боги
со мной говорят.

1962 г.

[Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page. A large stylized letter 'R' is visible on the right side.]

ОСТРОВ

Лусть остался один только остов
со скульптурами голых коряг, —
ледоходом израненный остров
не сдаётся, как крейсер «Варяг»!

И вполне здесь подходит сравненье,
вдруг пришедшее на берегу:
будто остров ввязался в сраженье
и отважно палит по врагу.

Будто он изо всех из орудий,
Из великих и малых стволов,
колошматит по лезущей груди,
по армаде грохочущих льдов.

И теперь над подлеском не синий,
а зеленых листочков дымок...
Не сдаётся угрозам в Сибири
даже малый лесной островок.

1962 г.

ГДЕ-ТО В БОЛОТАХ

Т де-то в топких болотах —
база партии вашей.
К вам лишь в месяц однажды
прилетит вертолет.
Иногда на прощанье
вам рукою помашет
из кабинки на взлете
незнакомый пилот.

Писем не было снова.
Виновата ли почта,
что любимый не пишет
вот уже целый год?
Может, вы сообщили
ему адрес неточно.
Может, рейсом повторным
сразу ворох пришлет...

Вы сегодня устали.
В глазах — изогипсы
мельтешат. Ну, а мысли,
все, конечно, о нем.
Вы в балке потихоньку
потанцуете «липси».
И опять загрустите,
что пока — не вдвоем.

1962 г.

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Этим розовым утром
я совсем заморожен.
И, вбирая зарю,
сердце громче стучит.
Безотрывно люблюсь,
как из облачных ножен
золотой богатырь
мечет книзу лучи.

Солнце стрелы вонзает
в задремавшие гривы,
и в глубины озер,
и в вихры лозняка.
И снега обращаются
в звон гомонливый,
обряжая тайгу
в навесные шелка.

В отворившемся небе —
снова краски апреля.
Окунают ветра
в них мохнатую кисть.
Оживают все чувства,
что зимою лишь тлели.
Вот все это и есть
гимн по имени Жизнь!

1962 г.

ЖИЗНЬ ГЕОЛОГА

Легкой жизнью себя не прельщай,
жадно слушая песни геологов
про костер у палатки
и чай:
бескорыстное чувство долга
и ничем не измеренный труд —
вот ее основные приметы.
Вся она —
бесперывный маршрут,
где разлуки и встречи —
пикеты!

1962 г.

Когда впервые я на самолете летел зимой над Западной Сибирью меня не покидало ощущение, что я лечу над начатой картиной...
 ...Натянут на подрамник горизонта огромный холст. Неведомый художник углем едва прошелся по грунтовке, потом в раздумье, зоркий глаз прищуря, куда-то в космос отступил назад, чтоб издали взглянуть, что получилось...
 Как будто бы бесчисленные луки поверженной кучумовской орды, сгибались реки, речки и речушки, потом упруго спины выпрямляли — как если б обрывали тетиву, истлевшую в болотных живунах...
 Кедровые взлохмаченные гривы причудливо по берегам металась — в изгибах грив живое напряжение, как будто это, в самом деле гривы в снегу увязших диких кобылиц!..
 И, словно шкуры мамонтов, медведей — разбросанные древним человеком, который чум себе собрался строить, — пласты тайги...

Художник был талантлив без сомненья,
да только, видно в силах усомнился
иль отступился в «черную дыру»...
И вот плыла под нашим самолетом
весь день Сибирь
наброском черно-белым,
повыцветшим от времени слегка...

1962 г.

В речном порту,
на берегах Оби,
весь день рычат
от напряженья КраЗы.
Пыль на губах
и на стекле кабин.
И синей дымкой
выхлопные газы.
Жара и пыль.
Комар и мошкара.
И перекур здесь
по-солдатски
краток...
Вокруг Сургута
вздымлена Югра —
то наша жизнь
или вулкана кратер?..
Но только ночь
прохладную ладонь
на лоб разгоряченный
дня положит —
как начинается сумрак молодой
мое воображение
тревожить.
И просека,
что впереди легла,

мне кажется стремительным
проспектом,
а ель —
Адмиралтейская игла,
что стала Невской
вертикально
спектра —
по ней узнаешь сразу
Ленинград, —
и сердце на мгновение
затоскует
по четкой филигранности
оград
и по гранитно-крепким
Невским
скулам...
Кометой
ночь июньская
летит.
Ее прозрачный шлейф
тайгу
окутал.
И день,
как запоздалый гром,
гремит —
Сургут опять
становится
Сургутом...

1963 г.

Счастье может быть карточным,
 может быть счастье ромашковым,
 с привкусом
 сладко-паточным,
 иль горьковато-фисташковым.

Есть счастье, наверно, во власти,
 есть счастье души возрожденья.
 Много на свете счастлих —
 целые месторожденья.

Богатые и скудные,
 открытые, подспудные...
 Но самое — верное
 счастье —
 то, которое трудное!

1963 г.

УГОДИЯ ЗИМЫ

Весна рождается на юге,
гуляет в Средней полосе...
А здесь и в мае могут вьюги
свою продолжить карусель.

А им и есть, где развернуться:
от наших северных снегов
меридианы даже гнутся,
а льды стоят у берегов!

1963 г.

ВЕСЕННЕЕ

Э то здорово — правда? —
очутиться в Тюмени
вот в такой же весенний
ослепительный день,
и почувствовать заново запах сирени,
и увидеть
сиренево-синюю тень...

Это здорово — правда? —
После серых, как скука,
и холодных, как смерть,
заполярных снегов
вдруг на землю упасть
и послушать: «А ну-ка,
как ты дышишь, земля,
ты здорова?

И я,
я чертовски здоров!

Чуешь,
как от меня
пахнет волей и потом
и как ноги блаженно
гудят в сапогах?
Им досталось шагать

по тюменским болотам:
как-никак, а всю зиму, земля,
на ногах!..»

Это здорово — правда? —
шагать по асфальту
в остроносых ботинках,
легко — как босой!..
Так и хочется сделать
на улице сальто
или просто пройтись
по земле колесом!

...В сквере возле вокзала
звонкогорлое пенье —
здесь скворцы начинают
раньше прежнего петь.
Это здорово — правда? —
очутиться в Тюмени,
а потом до весны
вновь в тайгу улететь.

1963 г.

УТРО НА БУРОВОЙ

Меж стволов, словно клюквенный сок,
брызжут солнца багровые струи...

Ну-ка, вышка, привстань на носок —
заиграли веселые струны!

Будет пляска твоя непроста:
наша скважина — лучиком тонким
пробивается в дебри пласта,
в вековые потемки...

Ну а ты что смурная, душа?
Засветись, как бывало, приветно,
непогоды и тьмы не страшась.
Может, не безответно.

1963 г.

КОНЦЕРТ

Э два нога на снег опустится —
оркестры скрипок голоса.
В тайге отличная акустика,
когда мороз
под пятьдесят.
На темном небе,
как отдушина,
курится синяя луна
и льет, как будто
прямо в души нам
свет леденящий
из темна.
На спинах ватники
куржавятся,
и обжигают нос очки,
но мне чертовски
это нравится,
когда,
как будто бы смычки
скользят по струнам,
что колышутся
и замирают под ногой...
По всей земле, наверно,
слышатся
шаги идущего тайгой!

1964 г.

Веснуцатый сопливый карапуз,
сосредоточенно — как все на свете дети, —
держал зелено-голубой арбуз,
с меридианами,
как на земной планете.

Как взрослый, щелкал ногтем по коре,
сжимал в руках,
прикладывался ухом
и — уронил...

Разбился во дворе
арбуз на половинки, охнув глухо.

Лежат остатки, как материки.

И багровеет мякоть, будто магма...

А в мире тишина... Мать от реки
идет с бельем.

Он побежал к ней: — Ма-ма!..

И матери в подол
уткнулся карапуз...

Но я хотел сказать

совсем не это —

она сорвет ему еще арбуз,

а вот у нас

другой планеты

нету!

1964 г.

Земля, земля... Ты к нам добра,
так мать —
добра к своим быстрорастущим детям,
которые не могут понимать
ее еще —
лишь в грудь уткнуться метят.
Земля, земля... Ты к нам добра, как мать:
что завела бездетными веками,
всё нам готова радостно отдать, —
и сгусток солнца, и сердечный пламень.
И как по-детски мы не дорожим
Тем —
беззаветным! —
матери доверьем! —
закатываем лихо кутежи
и хлопаем в притихшем доме дверью...
...Но близится, но — близится! — пора —
нам отдавать сыновний долг
добра.

1964 г.

НА ЧЕРНОМ МЫСУ

М.А.Савину

Я пришел тетю Нюру проведать:
как живет? Ведь прошло столько лет!
А она приглашает обедать,
как тогда: мол, пришел на обед?..
Тут же в сумрачной кухне заслонка
русской печки знакомо гремит.
Тетя Нюра подробно и звонко,
с придыханием чуть говорит:
«Тот-то, знаешь, давно уже помер...
Эта — замужем, трое детей!..
Ну а этот-то выкинул номер!
деток бросил... А был грамотей...
В энпэу ноне кур продавали...
Овощ свежая больно в цене!..
От меня поклонись своей Гале —
не забыли, гляжу, обо мне...»
От души принесся извиненье,
перебил я, услышав про кур:
— Основные-то измененья
не отметили Вы, Тетянюр!
Я ведь только из аэропорта.
Видел стройку Сургутской ГРЭС.
НПУ... Изменений — до черта!
Не стерпел я, с автобуса слез,
шел пешком...

До чего грандиозно!
Даже слов подходящих нет!..
Вдруг в открытой двери грациозно
появилась девица на свет.
— Бог ты мой! Неужели ты — Анка?!
тетя Нюра прижала ее:
«Анка, Анка... Она — лихоманка...
Сиротинушка... горе мое!
Ведь Анисья сгорела от пьянки...
Эти учатся с Ольгой, а Танька
робит с год уже... Римка и Санька
получили по службе жилье.
Квартирантов теперича нету...
Рази только что эти... бичи...
Помотало их, горьких, по свету...
У иного жись —
криком кричи! —
а его все «ату!» бедолагу...
Человек не нужон — дай «гумагу»...

Тетя Нюра!
Когда ты спокойно
поживешь?! Ведь имеешь пока
от своих подопечных
запойных
проку-то, что с козла молока:
не распилены даже дровишки,
покосились стайка, забор,
перегнившее сено на «вышке»,
видно, с тех еще,
Мишкиных пор...

...Мы любили там с Савиным Мишкой —
на Олимпе! —
вести разговор
о высоких материях — вроде
бесконечности жизни в природе,
о работе, рыбалке, стихах...
Где ты, Мишка, мой друг необманной?..
Тетя Нюра сказала туманно:
«Михаил, де, пошел в капитаны
далеко, на моря-окияны», —
вспоминаешь ли старый Сургут,
наш Олимп и веселую кухню
тети Нюры — наш теплый приют?..
Пусть очаг здесь вовек не потухнет!
Пусть опара в корчаге здесь пухнет,
пусть здесь воду из ковшика пьют.
Пусть голодного кормят обедом,
а озябшего греют теплом.
Пусть всегда добродушны с соседом
и — Бог с ним! — сердобольны с бичом! —
может, совесть и в нем
шевелинется,
снова станет
на праведный путь
жалкий бич
и последний пропойца...
Тетя Нюра о всех беспокоится —
будешь здесь — к ней зайди,
не забудь...

1963, 1968 гг.

СЕВЕРНАЯ ПОГОДА

Под ночь погода осерчала.
Дома ходили ходуном.
Луну за тучками качало
«летучей мышью» за окном.

А нынче вышел спозаранку, —
стоит такая тишина,
как будто, кончив перебранку,
утихла шумная жена...

1963 г.

НОВАЯ ПЛАНЕТА

*А*етим! — не в космос — на работу
в Сибирь — она без нас там стынет.
Там ржаво-бурые болота,
как марсианские пустыни.

Наш край для мужества не узок,
познаешь здесь свою весомость!
Ну а пределы перегрузок
тебе твоя укажет совесть.

Туши скорее сигарету
и — в небо
ярко-голубое,
Сибирь, как новую планету,
должны освоить мы с тобою,
не занеся сюда микроба
наживы, рвачества и злобы!

1964 г.

I

Бескрайняя сибирская равнина.
Навеки можно затеряться в ней.
Кругом озера — звеньями цепей;
увалов редких согбенные спины.
Трахомные глаза бесчисленных болот.
И город на Оби — Сургутом он зовется.
Поручик Шахирев, ну как вам тут живется:
который год уже, который год!

II

Ах, как ночи глухи!
На минуту раздвинутся тучи,
как в тюремный глазок,
подозрительно глянет луна, —
словно хочет узнать:
не сбежал ли мятежный поручик,
не испив свою горькую долю
до дна...

III

Тяжко — когда
замыслы рушатся,
и неизвестен исход.

Мужество, ~~ТОЖЕ СЕБЕРА~~

мужество,

мужество,

мужество —

только оно спасет!

1964 г.

*М*ужество, мужество, мужество —
Только оно спасет!
Силою мужества, силой мужества,
мужество, мужество, мужество —
только оно спасет!
Силою мужества, силой мужества,
мужество, мужество, мужество —
только оно спасет!
Силою мужества, силой мужества,
мужество, мужество, мужество —
только оно спасет!

а 1964 г. 1964 г. 1964 г.
1964 г. 1964 г. 1964 г.

Троза промчалась
бешеною тройкой,
обдав водой
замешкавших людей,
а облака — что пена с лошадей,
опавшая на ветхие постройки...
И словно плетки
многохвостый кончик,
сверкнет разряд —
раздастся щелк тугой.
Над гривой леса
радуга дугой,
и вертолет под ней —
как колокольчик...

1965 г.

ЗОВ СЕВЕРА

*М*есяц в зените, как солнышко в тропиках.
Город в сплошном молоке...
Сколько знакомых! —
геологов, топиков,
сейсмиков! — словно в балке
тесно стоят в растревоженной памяти
и приглушенно галдят...
Сами, должно быть, давно уже,
парни те,
в спальниках праведно спят —
что же в ушах так отчетливо слышатся
странные их голоса?..
Снег под ногами, как ртуть,
чуть колыхнется...
В небе плывет полоса
за самолетом...
Как белая тропочка
к северу вьется она...

Тает луна, словно летнее
облачко...

Молодость в дымке
видна...

1966 г.

З атейливых вод многолучье,
дырявая замша болот,
и под тяжелыми тучами
наш одинокий балок.

Безлюдье, как после потопа.
И в сырости первых ночей,
наверно, в отчаяньи кто-то
сострил: «Не балок, а ковчег».

Живет нас в ковчеге немного,
в два яруса восемь парней,
но с нашей работой и Богу
не сладить за столько же дней.

И мастер опять убеждает:
— Не ной! За работу пора!
Не боги Сибирь обживают,
не Нои, а мастера.

1966 г.

В СУРГУТЕ

(диалог)

— **З**десь аврал в любое время суток:
то пожар, то баржа с кирпичем.
А в столовке вечно кроме супа
да тушенки — очередь еще...
То мороз, то грязи по колено...
Нет жилья... Житья от комаров...
Пусть другие топают на смену:
я — наелся, во! Бывай здоров!

— Говоришь ты складно — словно пишешь,
так — что против нечего сказать.
Только разве ты уже не слышишь,
и не видишь? Так открой глаза:
над тайгой гудит веселый ветер,
дыбит волны штормовой Оби.
Города рождаются, как дети,
от любви!
Для одних они потом — морока!
Их бросают так — как малышей.
Город наш болезненный до срока,
заревел в пеленках чертежей.
Мы его уходим и угодим.
Не по дням потом, а по часам
будет он вздыматься над тайгою
и по-детски улыбаться нам...

Уезжай!.. «До дома и до хаты!»
Уезжай!.. Но сердце защемит:
места не найдешь себе тогда ты
и вернешься...

— О!.. да ты — пиит!

1966 г.

ДЕВУШКИ ИЗ НЕФТЕРАЗВЕДКИ

Были первые ночи здесь длинные,
были первые дни здесь короткие...
Нам казалось: вы очень наивные,
нам казалось: вы слабые, кроткие.
Мы язвили над вами в компании:
«Обморозите крылышки газовые.
Всё равно упорхнете к мамочке...»
Вы смеялись, слез не показывая...
Вы вчера еще — дочери мамины.
А теперь — для вас юрты Лямины
стали домом, семьей нефтяников —
из Сибири не выманишь пряником.
Ах, девчонки, сибирские неженки! —
полюбились жарки
и подснежники!

1967 г.

П одарил я кому-то спальник.
И рюкзак на время связал.
Шумный южный базар, как вокзал.
И как кедры привычны пальмы.

Каждый день озорник Ашот
водит в горы меня и к морю.
Я хожу за ним и не спорю.
— Карашо!?
— Как в тайге — «карашо»!

Аппетит, словно мы в маршруте
где любое ведро — мало...
Понимает нас тетя Маро
и быстрее свой вертел крутит.

Забегают к нам волны в гости —
буруны, как мерлушка папах.
Морем я, будто хвоей, пропах
и прогрел на солнышке кости.

Меньше ноет уже поясница,
и суставы почти не хрустят...
Хорошо тут!
А месяц спустя,
начинает мне
север сниться...

1967 г.

РАЗВЕДЧИКИ

Зимой суровая и летом
однообразна и сера,
как первобытная планета,
Сибирь встречала нас вчера.
Среди холодного безмолвья
земли, продрогшей до костей,
лишь одинокие зимовья
нас привечали, как гостей.
Безрезультатную разведку
вели не год мы и не два,
и от сомнения нередко
ходила кругом голова.
Но не напрасно словом ратным
«разведка» называют нас,
не повернули мы обратно —
нашли в Сибири нефть и газ.
Нашли!
Коварному неверью,
пурге, болотам —
им назло.
Кто с нами тяготы не мерил,
пусть говорит, что повезло.
И пусть все меньше помнят первых —
нас заслонила та весна,
когда стремительным маневром

на Север двинулась страна
за черным золотом...
Она
не всем давала ордена.

1968 г.

[Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page]

Пришел, как солдат на побывку,
 на север апрельский день.
 Воздух хмельной наливкой.
 Синим платочком — тень.
 Сияет луна, как пряжа.
 Скрипит дороги ремень
 На сердце — радость
 в упряжке
 с предчувствием перемен!
 В свадебном ритме
 и темпе
 пурга
 поет отходной:
 май на пороге —
 «дембель!» —
 пьяный и молодой!
 Мчит во весь дух
 на нартах,
 солнце во лбу — кокардой!

1968 г.

Пора весенняя в природе
на Севере так коротка!
Пригреет только —
колобродит
всё на глазах:
вот почка, вроде —
моргнул — подобие листка...

...Был юноша и вот — мужчина...
как случилось, не заметил сам:
ведь почитают не по чину,
не по летам,
не по зачину,
а по законченным делам!

1972 г.

Идут два друга... Может, я и ты?
Мы чем-то так на них похожи:
с одной скамьи... И не видались тоже
давно. И вот не перейдут черты!
Признайся мне, ты знаешь почему!
Ведь тот, что руку положил небрежно
другому на плечо, похлопывая нежно,
не только не завидует ему —
сочувствует!
«Ну что же ты, старик!
Тебя житуха крепко потрепала!
Давай ко мне, пока не все пропало:
пока в тайге ты к водке не привык!..»
«Не всё пропало...» Зло меня берет:
А если ничего не пропадало?!
А если жизнь вручала, как подарок,
день завтрашний — сегодня, наперед?!
И дни срывались, как с календаря
листки рукой — без трепета и дрожи —
и праздники и будни — каждый прожит,
вот именно на Севере! —
не зря!
Поэтому теперь
обская хмарь
и для других
родных краев угодней!

...А этот нежный,
он — тот календарь,
и новенький, да прошлогодний...

1968, 1972 гг.

НА ФОНТАНЕ

Рожденный ленью и беспечностью,
фонтан злорадно клокотал.
Здесь миг порой казался вечностью,
и день мгновенно пролетал.
Кипела бурно пульпа в кратере.
Росли — с Исаакий — купола...
Тогда подземные ораторы
орали: «Джинам — исполать!!!»
Гигантским красным гладиолусом
фонтан почти касался звезд.
Под каской шевелились волосы,
и по спине ходил мороз.
Весна в тайге со всхлипом плакала:
поникли хвоя и трава...
С былинки нефть на землю капала...
Трудились мы при свете факела,
роняя бранные слова.

1984 г.

В ТУНДРЕ

От морозного ветра
ломило в висках.
Снег был жестким и драил
не хуже песка.

Как по льду, по застругам
скользил вездеход.

К новым ветрам и выюгам
дымился восход.

А до базы-разведки —
далеко-далеко...

Ни былинки, ни ветки...

И все же легко
держит курс мой водитель
в сплошном молоке...

Видно ангел-хранитель
где-то
невдалеке...

1974 г.

БУРОВИК

В моей работе что-то есть
от снайпера и от сапера:
терпенье — это до упора;
везенье — нужно приобрести
упорством, а не разговором;
сомнения — проверь и взвесь;
злость — на расхлябанность и спесь;
страх — невозможности повтора
всего, что было, будет, есть;
надежда — что еще не скоро...
Любовь — она всему опора.
Работу завершает честь.
В моей работе есть всё это.
И... вдохновение поэта.

1991 г.

Честройно дизели рычат...
Но вот идет вразвалочку
бурильщик...
Взялся за рычаг,
как дирижер за палочку.
Железом с трех сторон зажат,
я — у ключа помбурского.
Канаты струнами дрожат:
сыграть бы впору «русского»!
Но вдруг ударил «гопака»
бурильщик изначалочки —
у вышки дрогнули бока,
тальблок пошел вприсядочку!
Свеча, схватившись за свечу,
на роторе покружится,
подпрыгнув чуть, кричит: «Ле-чу-у»
Пол под ногами рушится!..»
...Лети подземный хоровод
подружка за подружкой,
ведь вы — проверенный народ
предельною нагрузкою!..
Вот если б так...
за мной...
она...
сюда без всяких — весело!

И на мгновенье тишина
меня от всех завесила...

А после — ритм уже не тот!
Валторны... И на фоне их
оркестр скрипок вдруг берет
из «Золотой симфонии»
начало вальса...

И — мастак! —
на «русского» сбивается...

Где дирижерская рука?!

...Бурильщик улыбается,
как дирижер поклоны бьет,
да вправо, влево — выпады:
мол, разрабатывай хребёт,
не ради славы-выгоды,
а так вот — просто для души,
когда всё получается!..

...Вот дизеля он приглушил.
Стоит и улыбается.

И руки держит на весу...

А нам еще не верится,
что стало тихо — как в лесу!

И что земля лишь вертится!

И — вахта вся,

вахта вся —

вахта кончи-ла-ся!

1961, 1969 гг.

ЛЮДИ И НЕДРА

91 е дает эта тема покоя:
Мы и Недра... Земля — Человек...
«Заболел» этой темой давно я
и не знать мне покоя вовек...
...В октябре
того давнего года
в свою вахту крутил я штурвал
на рабочей задвижке отвода,
когда кто-нибудь к нам приезжал
из начальства высокого ранга.
Фотокоры центральных газет
так и эдак,
и с тыла, и с фланга,
выбирали —
похлеще! —
сюжет...
Нефть гнедою
лохматою гривой
богатырского,
с храпом,
коня
на ветру развевалась,
пугливо
в языки превращаясь
огня...

Наконец, разлеталось
начальство,
я задвижкой фонтан укрощал.
А к Оби
сатанинским причастьем
нефтяной
ручеек
припадал...

Очень любим мы круглые числа:
Сотня!..
Тысяча!..
И — мил-лион!..
Словно яблоком Еву
нечистый
вовлекают в греховный полон
эти числа:
снимают запреты
с «не солги», «не возьми», прочих «не...»
Сколько было порока пригрето
в этой
число-парадной
стране!
Продвиженья,
награды витали...
Все кричали победно: Ур-ра-а!..
Задыхаясь,
фонтаны хлестали
в браконьерские штуцера.
И вода прорывалась к забою,
обводнялись не просто пласты
размывались всей жизни устои!

В летаргии мы были с тобою?!
Что возьмешь с нас?
Чуть что, мы в — кусты
всевозможных инструкций, приказов:
«План — закон!..
Го-су-дар-ствен-ный! план!»
Подводить научились мы базу
под всеобщий обман.

Мы привыкли, что Недра выносят
обращение с ними на «ты»,
отдают всё,
не плачут, не просят...
Ну а мы-то,
слепы, как кроты?!
Так и будем нахальничать с ними
до тех пор,
пока есть чего брать?!
Ведь запасы невозполнимы!!!
Как мы это не можем понять...

Эйфория «открытия века»
собрала
свою горькую дань...
Человек,
пожалей Человека,
по-библейски
погибнуть
не дай...

1984 г.

91 а Ермаках такое разнотравье
На Севере ли, полно, нахожусь?..
Не только ведь здоровье травы правят,
но душу исцеляют — дарят грусть
вот по такому ж разнотравью детства,
где первоцвет, дубравка и чабрец!
Цветочное, зеленое наследство! —
его хранить мне завещал отец.
Иван-да-Марья... мятлик... кровохлебка...
Благославенна будь —
вовек! —
трава!
Кипит в логах
веселая похлебка,
и от пыльцы светлеет голова...

ЗАКЛИНАНИЕ

Словно в голод краюшкою хлеба
не погребуй ты мной, не погребуй.

Если станет с овчинку небо,
ты востребуй меня, востребуй.

Утолю все твои печали,
коль покличешь меня ночами.

Где бы ни был я, где бы не был
ты востребуй меня, востребуй!..

В горельнике — дятлам раздолье.
Шуршит под корой короед...
Ах, Родина милая, с болью
гляжу я на дымный рассвет:
Пожары... пожары... пожары
тебя обложили вокруг!
...Как дятлы — лесов санитары, —
стучат, не жалеючи рук,
твои работяги-трудяги, —
твой, всеми расхаянный, люд! —
стучат, засыпают овраги
и песни при этом поют!
На месте былых неудобий,
хоть медленно, воссоздают, —
не «солнечноград» из утопий —
обычный —
жителейский! —
уют...

1985 г.

Вновь такая сошла гроза! —
словно прядь на твои глаза,
ливень застит в окне окрестности.

Гром от молний такой стоит,
будто с порохом склад горит
над землю — в небесной местности!

Октябрь, а навигация на Вахе
в разгаре: катера вовсю снуют...
Но хмурый день в мерлушковой папахе
отары туч пастись погнал на юг, —
и вызвездило в ночь, пока мы спали
коротким, но, как в детстве, сладким сном,
а утром словно бы попали в Палех,
где черный лак в контрасте с серебром,
где отраженный мир означен резче —
сквозь черноту просвечивает суть...

И весь пейзаж пока очеловечен
лишь одиноким следом на мысу...

1987 г.

БАЛЛАДА О ТАЕ

И а Югане стоит неспроста
осень теплая и золотая:
здесь такая кругом красота,
и соседка по имени Тая...
К нам на обласе Тая с отцом
приплывет неслышно по речке —
у отца есть дела с кузнецом;
и пока они празднуют встречу,
Тая молча сидит в стороне,
насторожена, чуть-чуть сердита.
Изукрашено платье на ней:
шито бисером, мехом подбито,
золотисто-багровый платок
на головке повязан не туго.
Руки скромно зажаты меж ног.
Ждет отца с терпеливым испугом.
И нет-нет, бросит взгляд на парней —
незабудковый, в темных ресницах,
прячась в тень соболиных бровей...
И парням это взгляд будет сниться!
Будет смуглое сниться лицо —
словно персик, в пушистом румянце;
голос сладкий — весенних скворцов,
и вся Тая в языческом танце...

Но однажды приехал один
Миша-хант: замуж выдал он Таю...
И с тех пор зарядили дожди:
завершилась пора золотая.

1961, 1993 гг.

РАЗРЯДКА

Брать ягоды — как будто гладить кошку:
уходят раздражение и злость.
Особенно, когда берешь морошку...
Походишь чуть, и — сердце унялось.

На мшанике — как девичьи веснушки...
Как брызги солнечные!..
Радость нёба, глаз...
Янтарно светятся и —
сами скачут в кружку —
чтобы набрали мы их про запас.

Ваши финские коттеджи
так светло смотрелись
прежде,
но за двадцать с лишним
лет
потеряли цвет,
лишь свет,
исторический,
незримый,
ореолом,
как над Римом,
над постройками тех лет...
...А иных уж вовсе нет...

1981 г.

ВЗГЛЯД СВЕРХУ НА КАМСКОЕ ВЗМОРЬЕ

Лод нами Кама синею змейкой
играет с тенью облаков.
Вся предуральская земля
ее поит из родников...

И вдруг преграда из бетона.
Уткнувшись,
змейка улеглась
и првратилась вдруг в питона
напировавшегося всласть...

Нет, право,
словно в страшной сказке:
не змейка, нет, и не питон, —
разлегся вольно,
без опаски
всепожирающий дракон!

О, сколько он лесов и пашен
пожрал бестрепетно!..
А мы —
всё восхищались морем нашим,
как пировали
среди чумы...

У машины ракетная дрожь.
 Пара солнц на ее переносице.
 Как хвостатый космический дождь
 снег навстречу и — мимо! — проносится...

Конус света и конус снежин,
 вылетающих из бесконечности...
 Чтобы веки мне сон не смежил,
 буду думать о космосе, вечности...

Руль свободно и крепко держа,
 я на «газ» до упора нажал —
 сквозь заносы лечу одиночества...

Мне с тобою так свидеться хочется!

Без тебя я всего лишь межа,
 без тебя я —
 что имя без отчества...

1987 г.

...И лес как лес... И небо как везде —
высокое над Западной Сибирью...
И взору праздному, пожалуй, скушно здесь,
как над морскою в штиль — бескрайней ширию.

И, как везде, темношатрова ель...
И ягельник хранит прохладу почвы —
всё, как вокруг на тридевять земель:
извечно, первозданно, прочно...

Обычно всё — когда б не эта весть:
здесь центр страны!
Союза пуповина!
...Я думал, что, узнав про эту честь,
восторженно
зашелестят осины...
Но, к удивленью,
всё
как было,
так и есть:
спокойны и подлесок,
и вершины...

1987 г.

В север влюбились с тобою мы с первого взгляда
 И до сих пор притяженье его не смогли
 превозмочь.

Но ничего мне признаюсь, родная, не надо —
 кроме того, чтобы ты была рядом,
 и — чтобы тихо кружилась над нами
 лебедем

белая ночь...

Скучно бывало в пургу и в глухое ненастье, —
 так, что хотелось всё бросить и с севера — прочь!
 Но над собою уже не имели мы власти
 и, подчиняясь высокой таинственной страсти,
 ждем не дождемся: когда же закружит
 лебедем

белая ночь...

Так не жалей, что на севере корни пустили:
 в теплых краях — оказалось! — и детям невмочь.
 Ну, улыбайся, родная, хорош, погрустили!
 Ты посмотри: женихи твою дочь обступили!
 Кружится в вальсе...

Пусть кружится в вальсе
 лебедью милая дочь
 в бе — лу — ю
 ночь!

НОЧЬ НА ВАНЬ-ЁГАНЕ

Зарницы с четырех сторон...
Со всех сторон зарницы!
В сплошных зарницах небосклон —
их отблески на лицах.
Зарницы мечутся вокруг
неистовей в ненастье —
как будто вырвалась из рук
жар-птица — призрак счастья,
да не успела улететь:
по перышку разъята...
Неужто так ей — век гореть?..
И к нам идет расплата:
остались призраки друзей —
кровавый свет в глазницах...
И даже в облаках газет —
отражены зарницы!
И сомневаюсь я уже:
могла ли ночи темень
когда-то быть без миражей
и без багровых теней...

1988 г.

МУЗЫКА СТИХИЙ

Капели поют «а капелла»,
со струнным оркестром — дожди...
...Шептала ты: «...Жди, подожди...
постой...» — ты молила, как пела!
Капели поют «а капелла»,
со струнным оркестром — дожди.

Симфонят июльские ливни,
джаз-бандом грохочет гроза...
...Молил я: «...Взгляни мне в глаза:
правдивей их нет и наивней!»
Симфонят июльские ливни,
джаз-бандом грохочет гроза.

Беззвучен и тих бусенец.
Малиновым звоном — предзимок...
Гляжу я на присланный снимок:
с другим ты идешь под венец...
Беззвучен и тих бусенец.
Прощальнойю склянкой — предзимок.

1999 г.

УГУТСКИЙ СОНЕТ

Из толстых кряжей рублены дома:
венцов двенадцать — больше и не надо.
Дворы под крышей. Крепкие ограды.
Дрова поленницами: долгая зима!

Уютно-сказочен Угут с холма.
Он мне своим стал с первого погляда,
когда со мною — гидом — стала рядом
завклубом, как волшебница сама.
Какой-то обольстительный дурман
шел из мехов кедрового урмана.
На перекате ворковал Юган,
и доносился голос капитана.

Он звал меня: мол, отплывать пора!
«Плыть иль не плыть» —
всплывало из нутра.
1967, 1999 гг.

*...Р*ассветное — над водами — затишье.
А в небесах беззвучный непокой.
В жгуты свиваясь, потекли рекой
сиреневые тучи... Цвета вишни,
заря поспевшая расплющена неслышно...
Затихший ветер сам уже не свой!

...Близка ты: до тебя подать рукой!..
Душа ж твоя — высоко-высоко!
Но — с кем?..
Ах, если б со Всевышним!..
Но все равно, я понял: третий — лишний!

.....
...Гром громыхнул
пока что далеко.

2000 г.

ОСЕННИЙ ПЕРЕЛЕТ

Редеет леса шевелюра —
пятно сорочьего гнезда
вдруг проступило утром хмурым.
Слышнее стали поезда.

И дождь дымится мелкосеем...

И словно на душе скребет...

...Пора, мой друг,

пора на Север

начать осенний перелет —

туда,

где свой

я начал профиль

и буду гнать уж до конца,

и где бесхитростные строфы

находят отзвуки в сердцах...

1986 г.

На песчаных буграх
бор сквозисто шумел.
Он в июле живицей
душистую млел...
Но прополз вездеход
искрометным драконом —
головешки и пни
задымили по склонам...
Уж не ты ль его вел,
знаменитый «Алеша»?
с комсомольскою песней
о жизни хорошей?..
...Ты стоишь на юру
Командором бетонным.
Дон-Хуаны с Югры
остригают купоны.
Может, сердце твое
воспылает от гнева:
ведь в руках Дон-Хуанов
Югра — твоя дева
и она умоляет,
твоя Донна Анна:
«Защити от греха:
соблазняют обманно!»
Ты сойди с пьедестала

и пойдй Командором
по буграм Покачей,
берегам Самотлора...

1992 г.

[Faint, mirrored text, likely bleed-through from the reverse side of the page]

Какая духота!
Парит — как в мезозое.
Над мхом болотным,
словно испаренья мреют
толкущейся мошки прозрачные рои...
В клубок свились болотные гадюки...
Покрылись комариным ворсом спины...
Прищурилось устало солнце в полночь,
не обратив внимания на пики елей,
успевшие изранить в кровь его...
На буровой завершена работа.
Казалось бы, пора на боковую в полог, —
чтоб погрузиться в долгожданный сон,
но дернул бес: я радио послушал...
В душе зашевелились,
как эти гады, скользкие вопросы.
И мысли затолклись, как эти мошки,
замрежали неясные желанья...
Но, к счастью, будто свет из подсознания хлынул
и оттеснил, (как моджахедов в горы!)
все заключенья мрачные
в подобие компьютерной «корзины».
И, оглядев с приязнью гнус и гадов,
травинки, мхи, чепыжник, лес и небо,
товарищей и солнце, понял — это
задумано надолго и не зря!

1999 г.

МЕТАМОРФОЗЫ

З.К.Абдуллину

Как быстро время годы гонит!
Бегут, как полая вода...
И вот —
я снова в Мегione.
Душа, как прежде, молода.
Опять порывисты движенья.
Походка легкая...
И вот,
как бы в кино,
воображенье
включает вдруг обратный ход:
и все дымы —
из дальних далей
и эти,
ближних факелов,
став газом, нефтью, в пласт вбежали,
как джин:
в кувшин и —
был таков...
Деревья встали из лежневок —
осинник, ельник, кедрачи...
Но и бетонка
с тихим ревом
в карьерах грохнулась
в ночи...

Нет пленки нефти на Баграссе,
на Меге, Покуре, Оби...

Пейзаж по-своему прекрасен:

даль безмятежна,

гладь рябит...

Стоят невзрачные домишки

вдоль Меги...

Берег невысок.

А рядом — с ананасы! —

шишки

роняют кедры на песок...

Приехал в гости из Сургута

я к Зеравшану в Мегион.

Хотя как будто в институте

и не был близким другом он, —

мы обнялись с ним, словно братья,

проговорили до утра...

Уснули на одной кровати...

Хозяйка долго нас трясла:

— Пора, соколики, на вахту!..

Гляди-ко — эко крепко спят —

хоть заводи под ухом трактор...

...Хозяйка, не буди ребят...

Как ясны были дни учебы,

и как прекрасен был процесс

познания в институте — чтобы

контрастней подчеркнуть —

в бурцах

жизнь окунула нас с макушкой!

На каждом слышится шагу:

— Кто будет это делать? Пушкин?..

А ну давай без «не могу»!..
Так до отказа был напичкан
год ежедневной
новизной,
что он казался необычной
и затянувшейся весной!
Еще бы! —
нынче знают в мире:
ведут потомки Ермака
ВГЛУБЬ
покорение Сибири
от Меги
до Усть-Балыка!..

А время годы — гонит, гонит...
Бегут, как полая вода...
И вот я снова в Мегионе;
А верно ли я шел сюда?..
Рассудок успокоить можно
расчетом, логикой...
А как
быть с сердцем?
На сердце тревожно:
вдруг что-то сделали не так?
но жизнь прокручивая снова,
я отвечаю на вопрос:
у жизни честная основа,
была у нас она сурова,
терзал нас гнус
и жег мороз.
И по заслугам, в общем,
слава

своим любимцам воздала —
не всем по силам были лавры, —
избыток, он ведь,
как отравы,
а недостаток,
как хула...

И все же — годы, годы, годы! —
прикрас не нужно вам сейчас...
Прошу прощенья у природы,
у вас, леса,
ручьи, у вас.
Винюсь,
как самый окаянный...
И горько мне вдвойне
до слез —
что рядом
вместо покаянья
идет сеанс метаморфоз...

1983 г.

НА ВЕРХНЕЙ ТОЛЬКЕ

Поэма

*«Сибирские Увалы — водораздел
Оби и Енисея... И не только...»
(из письма старшего друга).*

1

Дыша натужно, наш «Урал»
вперед тащился понемногу.
Пушистый иней опадал
с деревьев ближних на дорогу —
как снег, от тряски или гула?
Дорога гривой спину гнула
и на стиральную доску,
в желудке наводя тоску,
она местами походила...

До Верхней Тольки путь далек.
И — покосившийся балок
нам кажется роскошной виллой...
Паяльной лампой разогреем
чаек, консервы... И хоть страх
как хочется: вот так, в унтах,
вздремнуть на нарах! —
в путь скорее:
на Верхней Тольке нужен я —
опять авария...

2

Опять — авария... Виски
уже седеют с Верхней Толькой,

а сердце жмут порой тиски...
Все стерпим мы — да был бы только
толк!
Ведь за тридевять земель, —
на карте это — ЦЕНТР СОЮЗА! —
пробили мы в пургу,
в метель
жестокий зимник: возим грузы...

3

Давался трудно нам монтаж,
но испытали мы терпенье,
здоровье и — характер наш —
когда мы начали буренье...

4

Здесь красивейшие места!
Гордеич, человек бывалый,
хвалился: «Что есть красота,
мы понимаем!.. В Москве бывали...
В Берлине... Лучше всё ж — Увалы!
Поскольку — всё здесь на виду:
кедра, лиственки, ягель белый...
Как в стайку, я в свой бор иду:
бью по потребности, с прицела...
Здесь харьюз водится... Таймень!..
По осени — муксун...
Рыбалка!
А всё — вода!

На будний день —
такую воду тратить жалко!
На ней — грузинский даже чай
как чай: и вкус, и цвет — не хуже
цейлонского...
Вот, невзначай,
не позабыли б вы про стужу...»

5

Нам пробиваться в глубь земли
приходится ведь тоже всяко:
как и снаружи,
там легли
свои
болота, буераки, —
не обойти
и не свернуть:
крепи,
мости,
что хочешь — делай! —
чтоб долото продолжить путь
могло в плутоновы пределы...

6

На Енисей откочевал
Гордеич старый с Верхней Тольки...
Четыре месяца стоял
мороз за сорок
жесткий, колкий!

И всё, что было пустяком,
решалось прежде мимоходом,
в лавинный превращалось ком —
подмять грозя —
промешкай, —
с ходу!

И — что ж: «достать чернил и плакать»... —
когда сам воздух, словно слякоть?
Нет! Мне поэзию пришлось
взять — как рога приемлет лось
противника... Бодаться с ним
и с отражением своим.

7

Была работа — на износ.
Борьба была — за выживание.
Ломались трубы. Рвался трос...
Раствор смерзался... Как торос
под вышкой было основание...
И — на каком? Втором — дыханье? —
я запросто всё перенес?..
В себе — я не искал ответа:
я просто помнил: сорок третий...
Февраль... Ивановка... Отец...
Атака... Роковой свинец!
Со мной всё ясно: с детства, в тайне —
готов к любому испытанью.

Бурильщик Гена Кочнев — то ж
был биографией похож.

Как «гегемон», имел он право
на орден «Трудовая Слава»...

Петро... Никитич... Ветеран.

Он вспоминал: «Но пассаран!» —
и к месту, а порою — нет...

В бригаде был почти поэт

Головкин Юра...

С вахтой вместе

он был доселе неизвестен, —

знакомству же благодаря,

ему засветится заря.

Но остальные — пацанва!..

Гэпэтэушники!

Из школы

шагнули в жизнь они едва

с магнитофоном развеселым,

и так вот сразу, —

в полымя!

Железно робами гремя,

они с завидным хладнокровьем,

порою не щадя здоровья,

пахали рьяно,

находя

свою изюминку в буренье...

Мороз суровый
был судья, —
буренье превращал в БОРЕНЬЕ! —
людей за теплоту во всем:
в балках, в машинах, в отношеньях...
...Метались тени. А нодья —
напоминала о былом.
И, если выдержим, спасем
души заветное стремленье —
что глубоко, как нефть, лежит
покамест в недрах сокровенных...
В морозном мареве дрожит
ущербный месяц — старый евнух...

10

И вот — Сибирские Увалы...
Округлый горизонт волнист.
Преодолели путь немалый!
А впереди — хоть и не скалы,
но и в увалах — путь тернист!
Петляет зимник и ныряет
то вниз, то целит в небеса.
То глохнет звук, то воспаряет:
«Урал» рассерженно швыряет
дорогу из-под колеса...
И вдруг над стылою тайгой
огни мелькнули буровой...
Она сверкала, как маяк, —
Югры златой тотемный знак!

...Чужие искупать грехи —
не легче, чем писать стихи!
...Хоть страх железкой дребезжит —
вся вышка напряглась, дрожит,
и шланг пульсирует, как вена,
не потеряю головы!
Коль буду с НЕДРАМИ на «Вы»,
всё обойдется непременно, —
я буду жить обыкновенно...
И будет жизнь благословенна!

НА ИРОНИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Город наш пока что пыльный очень.
Новые построим мы иначе:
что ни город — зеленее Сочи!
А пока — все тянутся на дачи.

Ну и пусть! А мне всего приятней
леса бескорыстные объятья.

В нем живу без гнета стен и крыши,
чувствую: с природой в резонансе
сердце бьется, грудь спокойно дышит,
и с души грехов сползает панцирь,
как сползает ржавчина с железа...

Я — древлянин, сын земли и леса.

САБАНТУЙ

В Альметьевске на улицах зеленых клены
бросают фиолетовую тень.
Брожу по этим улицам влюбленный
последний день.

На празднике веселом — сабантуе — ту я,
в которую влюбился, повстречал.
Шатались мы по улицам, флиртуя
с ней по ночам.

Зеленоглазой, гибкой, молчаливой, — ивой! —
запомнилась она навеки мне,
с распущенной серебристой гривой
по всей спине...

И вот — исчезла, не сказав ни слова... Снова
ужель мне снова сабантуя ждать?
Дождавшись, заключить ее в оковы?
Иль не узнать?

На улицах альметьевских зеленых клены
не шелохнут листвой своей весь день.
Хожу по этим улицам, зеленый,
сквозной, как тень...

1959 г.

91 у и воздух в Южном:
в нем иголки, что ли? —
я вздохнул и разом
заколело грудь.
Руки задубели —
аж не чую боли —
не могу согнуть.
Заколею к черту,
тело как пластмасса,
вообще приехал
в этот Южный зря...
Вон со мною рядом
возится у МАЗа,
видно, сибиряк —
он привычный... Вон как —
хоть мороз и выюжно —
шапку лихо сдвинул,
хитро щурит глаз.
— С-се-верянин?
— Точно! Я сменил на Южный...
Северный Кавказ!

1963 г.

НОВОГОДНЯЯ ВАХТА

Далеко мы от поселка...
Впрочем, что мы унываем?
Чем не праздничная елка
наша вышка буровая? —
Вся в огнях.
Сверкает иней...
Дизеля гремят оркестром.
Потолок — все небо — синий!
Никому под ним не тесно...
Трубы стукнулись боками —
как шампанского бокалы,
и застылую тайгу
встрепенул застольный гул.
На «столе» у ротора
турбина вместо штопора.
Нет бутылки и не надо —
согласилась вся бригада:
как созревшее вино,
ждет нас нефть давным-давно,
распирая все прожилки недр
от возбуждения.
Открывать —
Так не бутылки,
а месторождения...

1965 г.

Вот и осень. Беспечно леса
красят волосы огненной хною,
отложив в годовых поясах
песни летнего ливня и зноя...
Ну, а что у меня за душой?
Почему, беспричинно смеясь,
я стою под березой золотой
и свечусь, как расхристанный яшень?

От того ль — что не бегал от гроз
и не часто в тени прохлаждался?
Так всё. Так!
Но коварный вопрос,
как предзимок,
в душе нарождался...

1966 г.

ПУРГАЙСКАЯ БАЛЛАДА

91 а перевоспитанье тунеядок
саратовских
прислали нам косяк.
Сам по себе сей факт —
Как будто бы пустяк,
но... плод грехопаденья сладок, —
и жизнь пошла вдруг
наперекосяк.

Всё дело было в женском дефиците.
А тунеядки были хороши!
При дефиците — разве до души?
Парней вы наших строго не судите,
не поработав года три в глуши.
«Гудели» даже лучшие бригады.
Срывались вдруг степенные «деды»!
И жены их, в предчувствии беды,
паниковали: «Чтой-то делать надо...
Начальство-то у них глядит куды?!»

Начальство воспитаньем занималось,
грозило увольнением по КЗОТ...
Но получалось всё наоборот:
смеясь, одна красотка раздевалась:
«А ну, начальник, гли-ка, чья возьмет?»

Ретировалось, матерясь, начальство,
ослепнув от нахальной наготы.
«Куда ж ты, — вслед неслошь, — сымай порты!
Не убегай от собственного счастья!
Смотри, «кудрявый», пожалеешь ты!»

...Во взрыве есть порядок, ну, а люди
промеж собой порядок наведут:
ведь главная потребность всё же — труд!
«Погужевали малость,
ну и будя! А то ведь НАС...
в Саратов упекут!» —

один,
другой — сказали тунейдке.
иная и задумалась всерьез:
ведь кроме стаканов и папирос,
держали ж руки книжки и тетрадки
и возникал —
«зачем живешь?» —
вопрос...

Начальник первый, не пугаясь сраму,
что тунейдкой злостной покорен,
на ней женился...
Всё как в мелодраме!

Два наших парня сгинули — бичами.
Потери были, в общем, с двух сторон.
1961, 1972 гг.

По насту
 иду — словно бритвы жую.
 Гривастый
 лес в напряженном строю.
 За Ластой
 алый кровянится след.
 Здравствуй,
 залиvistый лай побед:
 как заступ,
 винтовку навскид
 и — баста:
 ломая ветки, летит
 бровастый
 глухарь на колючий наст...
 ...А наст-то —
 с добычей! — не держит нас!

1977 г.

Я понял: времена сменились! —
 не по газетам и часам...
 ...Ко мне однажды заявили
 выпускники: «Наверно к вам?
 Вот направление института...»
 Провел я вводный инструктаж,
 предупредил довольно круто,
 чтоб применяли свой багаж
 научный на рабочем месте —
 начать придется им с низов.
 Кто не женат, пускай невесте
 шлет вызов... Кто женат, тот кров
 найдет — пока в малосемейке
 получит комнату... А там —
 квартиру... И — в виду имейте, —
 здесь по-ле-вые!
 платят нам...
 Я понял: времена сменились,
 когда один из них сказал:
 «С женой мы просто возмутились!
 Там ведь не комната —
 пенал!
 Куда же мы поставим мебель?!
 Она ж в контейнере идет!»

О задачливо закат
из-под туч лиловых рдеет.
Что-то будет?
буря, град?..
Травы спеют
жито зреет...
Вётлы снулые стоят...
Бабы пьяные судачат:
— «Коленвал» — три шиисят...
— А «какдам»?..
— Как раз на сдачу...

1979 г.

Ты — как магнит: ослабевают чары
на расстоянье.
И хоть я твержу:
«Люблю! Люблю и свидеться не чаю!» —
чем дальше, тем свободней ухожу.

И вот уже в свободном я полете:
нет тяготенья, притяженья нет!
...Вдруг словно паутинкой, на излете,
ты потянула —
и я здесь: «Привет!»

91
Навалилась на меня кручина...
Вроде я подъем всё время брал —
впереди маячила вершина,
оказалось — пройден перевал,
и сейчас иду я вниз, под гору...
И вершины нету впереди...
Что ты скажешь, проводник, —
который
мне про восхождение твердил?..

...Успокойся, ножик перочинный,
я в раздумье посох свой тешу...
Навалилась на меня кручина,
но ее развеять не спешу

хоть кручина — это ли не горе? —
всё ж к ней ближе горькая печаль...
Да и так ли надо это — в гору? —
может, проще — в голубую даль...

1986 г.

В котлопункте «на кусте»
непривычно пусто...
На «первое» для гостей —
щи из капусты.
— А «второе»?..
нам в ответ,
чуть не плача, Маша
говорит:
— Котлет уж нет,
только пшенка... каша...
Успокою Машу:
— Сыпь! —
с добавкой кашу:
хоть сейчас наестся,
не пришлось коль в детстве...

1986 г.

Сегодня в котлопункте — день «куриный»:
куриный суп и жареная курица.
И мужики на повара Арину, —
хвосты трубой! — мурлыкая,
все жмурятся.
Понятны ей намеки,
Шутки хмурые,
надежда в голосе...
и глаз сторожка...

«Ириночка! Да я ж божаю ножки!..»
Срывается она: «Да це же куры!
Ку-ры!
Простые куры! Не сороконожки!»

1988 г.

НЬЮКОНКИСТАДОРЫ

Старик, закончим словопрения.
К тебе мужской есть разговор.
Сора приобские — что прерии:
высокотравье и простор!

Седлай «мустанга» винтокрылого,
трястись по кочкам — не резон.
Сезон охоты? Я открыл его!
Сохатый — чем нам не бизон?..

Куда винчестеру до ижевки:
пятизарядный автомат!
Картечью врежешь — не залижется!
Рога, как лопасти, торчат...

Трофеи — топором, как скальпелем:
рога печенку и язык...
Эх, спроса нет, а то и скальпели
попромышляли б мы, старик!

1988 г.

Брезентом старой раскладушки
 провисло небо до земли.
 И нету хлеба ни краюшки.
 На колобок не наскребли
 в сусеках горе-поварихи...
 Неутешителен прогноз.
 А мы, промокшие насквозь,
 спуско-подъем гоняем лихо.
 — Нич-чë, робята, натошшак,
 оно полезно даже очень! —
 нас успокаивая так,
 бурильщик грозный, Генка Кочень,
 меж делом
 ласково бубнит
 (куда девался прежний окрик?):
 — Нич-чë, робята!
 Не бонбит!
 Посля —
 порадуетесь корке...

Прокуратор вдруг ожил —
и, видать, неспроста,
сбросил дьявола кожу,
обрядился — в Христа.

Всех он адом пугает
и к смиренью зовет.
Наперед всё он знает,
чего хочет народ!

Он сменил атрибуты
и привычный словарь,
а уздечку и путы
приготовил, как встарь.

1989 г.

РЕЗУЛЬТАТ ГЛАСНОСТИ

... *И* абралось за годы перестройки
вырезок и целиком газет
и журналов интересных столько —
что в квартире — той еще постройки! —
уж пространства жизненного
нет.

1990 г.

ПАРАДОКС

*В*любляются в красивых, разбитных,
каноны презирающих, парящих...
В одетых модно, складно говорящих,
в хохочущих, поющих и творящих,
в играющих, чуть ветрено-гулящих —
влюбляются — навек, безумно! — в них!

А женятся всё больше на других —
на их подругах,
в стороне стоящих...

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

И ненадёжностью подлой
нынче время набрякло —
словно лед в половодье:
ни пройти, ни проехать —
чтобы в омут не ухнуть,
не успев даже вякнуть...

Всё настроилось рухнуть —
в городке будто снежном.
Превращаются в рухлядь —
совесть, милость и нежность...

1992 г.

В ТАЕЖНОЙ БАНЕ

Лихтовым веником хлестался
я на полке
до той поры — пока остался
голик в руке,

а вся хвоя — прилипла к телу...

Я на ежа

похожим стал, и что за дело? —
душа свежа!

1992 г.

ДЕНЬ ГЕОЛОГА

Кому — цацки, кому — полуцацки,
большинству просто кукиш крутой...
День геолога всё же по-царски —
разобьемся! но —
справим с тобой!

Как иначе?!

Геологи всё же!

И — вокруг голубая Югра!

В этот день пусть тебя не тревожит
наших «шишек» худая игра.

Как бы с нами они ни играли,

мы — геологи чистых кровей!

В День геолога мы — на привале!

И поем, как когда-то певали,

что без подданных — нет королей!

1993 г.

ВСЕМУ СВОЙ ЧЕРЕД, ИЛИ ДИАЛЕКТИКА ЖИЗНИ

*Меняется приватизированная
квартира в «деревяшке»
(объявление в газете)*

«**Д**еревяшки» мои ль, «деревяшечки»!
Поскрипушки ль вы мои, продувашечки!
Тридцать лет как нет! Как мгновение...
И другое живет поколение!

Свой всему черед и всему свой час:
нас — на пенсию,
под бульдозер — вас...
...Может, станете вы — «фазендою»,
ну, а мы?..
Даст Бог, мы — легендою...

1993 г.

Буровику балок — что кубрик
 матросу: тоже дом родной!
 Ему пурга блондинит кудри.
 Ему мозги начальство пудрит.
 А он твердит себе одно:
 балок у нас, братва, что кубрик,
 в нем нам брататься суждено!
 Бурильщик наш — что боцман мудрый:
 сыграет «Выброс» — всё равно,
 что тот споет свое: «Полундра!»
 Как море всколыхнется тундра,
 закрутится всё — как в кино...

1994 г.

Я ходил вокруг да около,
говорил не те слова.
Мое чувство очень ломкое,
как ольховые дрова,
колуном они не колются,
целиком идут в огонь.
Поброжу я за околицей.
Ты меня пока не тронь.

Пар курится над излукою.
Ивы, словно ковыли...
Я довел себя разлукою:
хоть коли,
хоть вдоль пили!

1998 г.

МИСТИКА

Вы правы, мне помстилось, —
что я влюбился в вас...

...Душа давно постилась:
всё хлеб ржаной да квас...

Котлеткою пожарской
тут вдруг предстали — вы!
И я не удержался...
Но вы правы... Правы!

2000 г.

Смотри: даже кактус цветет!
Весна!.. А на сердце — доука...
Ноздрится над Мегою лед...
По — «аглицки» — сплин, то есть скука...
Уеду!.. Но прежнего нет —
тревожного! — нету волненья
при этом: хоть куплен билет
и — скоро! — сигнал отправленья.

Смотри! Несуразно всё как-то!
Часть жизни идет — как в бреду...
Цветет на окне моем кактус...
А я — словно мамонт во льду.

2004 г.

У меня всё нормально: семья!
Но как в детстве, со мною семь «я»,
разношерстных, глумливых ребят, —
громче внуков они гомонят!

Чуть чего — референдум, опрос:
кто? зачем? почему? в чем вопрос?
Честь и совесть, эротика, стыд...
Каждый день у меня плебисцит...

Мной становится тот претендент,
у кого выше индекс-процент.
А пока голосуют семь «я»,
за меня всё решает семья.

...Голос мой всё же слышен в семье.
(Про семь «я» знать не надобно ей)

2005 г.

Чернильно хмурится небо,
холод идет от окна.
Дума на сердце одна:
где тебя встретить, где бы?..
Солнце является редко,
на небе кляксы туч.
Сердце мое не мучь —
просит каждая клетка.
Улица дум не развеет,
встретит косым дождем.
С каждым прошедшим днем
вечером раньше темнеет.
Старые клены громадой
надвинулись на тротуар.
В сердце моем пожар —
только тебя мне надо.
Глянцевый блеск асфальта
темноту подчеркнул.
Я через лужу махнул
и чуть не сделал сальто...
Поздно... Лишь редкий прохожий
тенью мелькнет за углом.
Где-то в сияньи ночном,
кажется, бродишь ты тоже...

Вот уже блики рассвета,
словно пропавшую дочь,
будят звонками ночь...
Скоро на лекции... Где ты?!

1956 г.

В ОРАНЖЕРЕЕ

*У*веты причудливо очерчены.
Цвета — игра воображения.
Я приходил сюда доверчиво
и попадал к ним в окружение.

Я гладил — будто гладил волосы —
прохладно-огненную лаву...
А в воскресенье гладиолусы
склоняли шеи на прилавок.

Их покупали к дню рождения,
и просто так, чтоб был уют...
У красоты нет снисхождения,
когда ее распродают.

1957 г.

НОЧНОЙ ГОРОД

91 е шумит и не плещет улица
жизнерадостным гулом дня.
И луна добродушно щурится,
из-за тучи, взглянув на меня.

Тишина... Не заденут нечаянно
ни летящий с занятий студент,
ни парнишка, шалун отчаянный...
Город спит. Где-то робкий свет
просочился в окне за шторами
и в воде отразился у ног...
Я шагаю походкой спорою
перспективой ночных дорог...

Впереди натянулась улица,
как готовая дрогнуть струна.
Надо мной утомленно щурится
отстоявшая вахту луна...

1957 г.

Кладони
С ладони
майские жуки
стартуют, словно вертолеты,
сменив тепло твоей руки
на холод
вольного полета.
Хоть чувствует еще ладонь
томящую шершавость лапок,
но не поймешь еще ладом,
что в ней остался
только запах,
воспоминание о том,
кто здесь
еще недавно ползал...
...И чтоб не каяться потом,
лети за ним,
пока не поздно.

9/ а Урале буйны грозы.
И в одну из этих гроз
с плачем рухнула береза,
изронив немало слез.

Там, где канули слезинки,
в теплом сполохе зарниц
изнавесились корзинки
разноцветных медуниц.

Не топчи ботинком модным,
обойди чуть стороной:
медуницы пахнут медом,
пахнут майскою грозой...

1958 г.

Как ружье взметнул, уже не помню я,
но лежит в снегу, что было молнией,
что промчалось мимо вихрем белым...
Ах, дурак, дурак, что я наделал! —
крылья куропатка распластала
возле стылых веток
краснотала,
неподвижна,
словно снежный слепок.

До чего же выглядит нелепо
на ее груди дыра сквозная,
на снегу — кровинки красным градом...

...Защемит в душе,
я это знаю,
будто раздавил нарочно крепость
детскую — из глины и песка.

И не то, чтоб явная тоска...

(Надо мной смеются: блажь, нелепость!)

1963 г.

Белых ночей паруса
скрылись в осеннем тумане.
Курс выбирай нынче сам:
Осень закрутит, обманет.

Юность прошла без потерь:
шита суровой нитью.
Зорям ненастным не верь,
но доверяй наитью...

1965 г.

...Знаешь, не буду тебе обещать
ни звездочки, ни кусочка луны...
И о любви не буду вещать
громогласно среди тишины...
Я тебе книжки буду читать,
шишек кедровых привезу из тайги...
Буду готовить... Детишек качать...
Буду вставать всегда с «той» ноги...
И...

1966 г.

ПРИБОЩЕНИЕ

За руку тянет, щекаста, румяна:
«Ой, посмотри-ка какая поляна!
Сколько цветов!..»

...Шуршат стрекозы.
Шмель заурчал, опустился на кашку.
Не шелохнутся над нами березы.
И глаза у нее — голубые ромашки!
Смотрит на мир она в изумленьи
и не моргнет ресниц лепестками...

Ради этих, наверно, мгновений
сеется хлеб,
долбится камень...

1960, 1966 гг.

*D*ень прошел, будто списан по акту,
чтоб уже не вернуться назад.
Тут же черные тучи, как трактор,
распахали созревший закат.

Как колосья, сквозь влажные клочья,
пробивались, качаясь, лучи
и ломались, прижатые ночью.
Беспокойно кричали грачи.

И меня поднимало на гребень,
как ладью, потерявшую руль.
Но проклюнулись звезды на небе,
словно озимь
на черном пару.

1968 г.

91 у что ж, таким не шутят:
живи сама с собой.
Пусть будет всё, что будет,
хоть синий громобой.

Живи счастливым домом...
Успеет сердце в грудь
ударить тихим громом
и всё перевернуть...

Познав судьбу подвоя,
себя я вновь корю:
как ни крути, нас двое,
мы на одном корню...

ОЖИДАНИЕ ВСТРЕЧИ

91 очь, скорее крути свою нудную ленту.
Ты сегодня длинна, как последний сеанс.
Завтра я обниму свою доченьку Ленку,
дотанцовывай, ночь, скучный свой контрданс.

Ну, мелькайте ж навывнос, последние кадры!
Свет включают уже, выводя реостат.
Мне не терпится сквозь грозовую эскадру
пролететь над землей, перед крохой предстать.

Синецветка, ветвинка моя,
златовласка
укоризненно мне пролепечет: «Па-а-пец!»
Я в руках удержу ее доброю лаской,
ощущая биение наших сердец...

1969 г.

ЖУРАВЛИ

Под окнами гроздя рябины
последним огнем занялись.
С хорошим прогнозом с осины
багряный снимается лист.

Я в добрые верю приметы.
И знаю: чем позже от нас
уносят пернатые лето,
тем в зиму сугревнее наст.

И всё же, как прежде, с тревогой
гляжу я в лиловую высь:
дай Бог, чтобы ясной дорогой
на юг журавли подались.

Молю, чтобы ранняя выюга
их клин обошла стороной.
И чтобы весной они с юга
опять воротились домой!

Луна веселая на убыль,
поземки жесткие метут...
Твои смеющиеся губы
всю ночь покоя не дают.

А сердце вдруг на миг заныло,
не зная: крылья или крест? —
когда: не только «будет», —
«было»! —
и ослепительное — «есть»!

В ХАНТЫ-МАНСИЙСКЕ

Гале

Сейчас весь городок в дремучем инее,
и улица, как сказочный тоннель...
...На тихом теплоходе местной линии
мы здесь бывали в свадебном турне.

Нас бабка Марья, траурно-угрюмая,
приветила, как бабушка Яга.
Пила «ликерчик» из граненых рюмочек
и часто поминала старика.

Пекла на завтрак «драные» оладушки,
жалая, что мы с нею не родня...
Тебя она звала степенно: «матушка»,
и несолидно: «дитятко» — меня...

Гадала нам она деньки веселые,
себе брала разлуку и тугу...
В сердцах сбиваю синий иней
с елок я:
в долгах я перед вами —
как в снегу...

Пригрело... Наст уже не держит —
по пояс ухаешься в снег...
Имеет все предел, но где же
предел терпенью, человек?..
Немногословен и неистов,
ты из каких стремлений сшит?..

Снег разноцветно и зернисто
в твоих следах еще шуршит,
а ты уже в улоге скрылся,
упорно двигаясь вперед...

Как жаль, что у тебя лишь крыльца:
им не поднять тебя в полет!

Да ты, похоже, не в обиде,
и по душе тебе ходьба:
твой след сегодня
людям виден.

И в этом вся твоя
судьба!

А моему долготерпенью,
я чувствую,
пришел конец:
я расправляю оперенье —
как припозднившийся скворец.

Кама!.. Цвет аквамарина
от твоей пошел волны.
В грезах Александра Грина
отзвуки твои слышны:
блеск вечерний Зурбагана,
шелест алых парусов...
Выплывает из тумана
плот — ясак твоих лесов.
Плот, как змей воздушный, замер.
Ветра, ветра, и — взлетит!
Зацепила цепь за камень —
Кама данью дорожит.
Кама!.. Никелем сегодня
под луною ты блестишь...
Замер мост в высоких броднях,
отдыхает: плеск и тишь.
Видно внешнюю работу,
внутренняя — не для глаз.
Кама трудится до пота
изначально и сейчас:
щебень в гальку перетрется
в мягких камских жерновах.
Кама тешится и бьется,
раздается в берегах...
...Кама! Сумрак канул в омут.
Канул в лето отпуск мой.

Вспоминаться будешь дома,
Кама, ласковой волной...

1977 г.

[Faint, illegible handwritten text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.]

Уж Рождество, а так морочно.
Куда девался дед-Мороз?
В теплынь такую правомочно
встает кощунственный вопрос:

неужто сбился ход планеты
и на последнем рубеже
все отменяются приметы,
и не в России мы уже?!

Плорплыл когда-то грустный иван-чай
 в окне вагона на разъезде дальнем, —
 и я обложен данью невзначай:
 плачу ее
 своим воспоминаньем...

Осенних дней мелькают жемчуга...
 Ночей графит всё мягче и жирнее...
 Рисую нынче твой портрет,
 чудака:
 чем дальше — некрасивей,
 но — вернее.

Убрать бы мне в запасник этот лист.
 И выспаться...
 Но я тобой разбужен:
 графит ночей
 холодно-серебрист,
 к рассвету ближе — матово-жемчужен...

ОТТЕНКИ ЗАКАТА

Памяти В.Агапова

Закат на оттенки богат,
а те — на приметы в народе.
А вот инкарнатный закат, —
к какой, интересно, погоде?

Уж больно в нем тонки тона:
румянец, чуть-чуть золотистый,
бледнея, меняется на
бескровный, а тот — на землистый.

Таков же, видать, переход
оттенка к оттенку и в жизни.
Давно ли был юным!.. И вот
о друге я плачу на тризне...

1980 г.

Любил я берез белостволье.
Словно в добром девичнике, там
сердце полнится нежною болью,
отдаваясь забытым мечтам.

Но по сердцу мне и перелески,
Где гармония лада живет.
Здесь березы ведут свои песни,
и осины не знают забот.

Думный кедр здесь и с пихтами ели
собрались для совета, как жить.
По хвоинке, работник умелый,
муравей свою башню сложил.

Развеселие там в половодье,
птичий гомон и страсти окрест!
По душе мне берез белостволье,
но люблю я и смешанный лес.

С уторминка-Суторма!
 Ягельник с брусникой,
 бор веселый и урман!
 Красота вдруг сникла.

Я пришел к тебе навек
 другом... Да вот татем
 замутил истоки рек,
 испоганил платье

и твои развеял сны
 непотребным словом...
 Колокольчик у сосны
 истемна-лиловый —

растоптал его тягач,
 что промчался мимо...
 Суторма моя, поплачь, —
 век неукротимый:

опустилися в урман
 аисты-качалки...
 Суторминка-Суторма,
 мне ль тебя не жалко?

1983 г.

Предвесенняя свежая синь.
Этот цвет, словно в радуге, ярок.
Фиолетова россыпь осин...
Этот день голубой — как подарок!

Вдруг вдали показались дымы.
Не эскадры дымят над Цусимой, —
Снова что-то прошляпили мы:
факела день и ночь негасимы.

Меркнет неба сибирского синь
в серебристо-графитовом смоге.
И белеют скелеты осин
вдоль бетонной дороги...

А на сердце ложится печаль —
словно слышу щемящий и знобкий,
как тревожную русскую жаль,
плачь души — про манчжурские сопки...

1984 г.

Я творю свою жизнь. И о Родине думаю часто.
Ни на миг не могу отделить от работы себя.
Не ругаюсь ни с кем.
И на добром счету у начальства.
И вины я не чувствую ни перед кем из ребят.

Я со всеми в ладу.
Но душа все равно не спокойна.
Вроде совесть чиста,
Только вдруг на себя рассержусь,
будто слышу команду: «По ко-о-оням!»
Ногу в стремя занес, но в седло не сажусь.

Я к коню припаду:
«Понимаешь ли боль человечью?
Разумеешь ли ты мою старую
добрую грусть?
Ты прости, вороной, не влечет меня эта вот сеча».
Он грызет удила, косит глазом горячим:
«Не трусь!»

Когда житуха так припрет,
что вроде некуда и деться:
не помогает мумиё,
жень-шень,
бальзам,
горячий мед
и патентованные средства, —
давайте мы, как в раннем детстве,
рванем куда-нибудь тайком!
Повыше закатав штанины,
по травке колкой, как щетина,
еще до солнца, босиком,
лутошку выдернув из тына,
пойдем подмытым бережком,
вновь испытаем холодок,
когда земля вдруг из-под ног
пойдет («лишь только не видала б мать!»)...
И убедимся мы, что впрок
пошел рисковый тот урок:
с волненьем будем наблюдать
с водою
глыбы столкновенье...
В обрыве свежие коренья —
ну, как их вдруг не пожевать?! —
в них, может, наше исцеленье...

1985 г.

ОЗИМКИ

Светло-сиреневый день.
Далей прозрачная ясность.
Телу сопутствует тень —
безукоризненна гласность.

Вдруг, словно хлопком-сырцом,
неба забились застрехи,
тени исчезли с концом,
и не пройти, не проехать.

Хоть во весь голос кричи:
глухо, всё — войлок и вата...

Много конкретных причин
и — никого виноватых.

Снова броском и рывком?..

Зуд нетерпения гложет:
солнца и ветра ревком
скоро ли зиму низложит?

1985 г.

ЗАХОД НА ПОСАДКУ

*Л*ятнисто-крапчатая тайга —
в манере импрессионистов...
Как паутина в небе мгlistом —
не на оленьих ли рогах? —

мерцает легкий алюминий...
«Железка» узкою лыжной
блестит на солнце, к гривам льнет
и исчезает в дымке синей...

Во всем томленьи и печаль...
К тревоге общей сопричастье...
...Не обернется ль это счастьем
едва,
едва ушедши в даль?..

Иль будет просто приземленьем
в привычный мир — без треволненья?

1985 г.

ОСЕНЬ НА ВАХЕ

*М*орозная ясность в природе.
Застыла дорожная грязь.
И слякоть душевная, вроде, —
надолго ли, нет? — улеглась.

От гнуса очистился воздух.
Сора широки, глубоки.
И уток отъевшихся поздних
доносится гомон с реки.

Сквозисты верхушки деревьев,
слоится над ними дымок.
И тетерев, словно издревле,
глядит, не колыша сучок,

на струи тягучие Ваха,
на пряди кудели лесной.
И нефть, как цветная рубаха,
вздывается тяжелой волной...

1987 г.

*D*очь моя дежурною сестрой
проходила практику в ожоговом
отделении третьей городской.
Привозили пострадавших
в шоковом
состоянии...
Сердце разрывало сострадание...
И от невозможности помочь
даже дома
всхлипывала дочь...
...Дочь моя! Страшна в ожогах плоть!
Но не приведи тебе господь
видеть муки тех, кому вспоили
душу ложью...
На костре спалили б!

1987 г.

ВСТРЕЧА

Я тебя искал в румянах осени,
в шорохах пурги над головой.
Ты же опустилась, как из просини,
на моей дороге кочевой.

Эхо ль мое долгое аукало, —
только ты лыжню ко мне вела.
Знаю, это ты меня баюкала,
кружевную сеть свою плела.

В черном небе звезды белым клевером,
выстывая, падали в снега.
Я тебя нашел на нашем Севере,
оттого ты мне и дорога.

1956, 1987 гг.

И а таких мужиках: простоватых,
некрасивых, чумных, рябоватых,
чуть поддатых, заросших, кудлатых...
В керзачах, в телогрейках, халатах...
На угрюмых, сноровистых, хватких,
На любителей правды и блата...
Молчаливых, смешливых, слезливых,
совестливых до рези в глазах, —
на святых! —
еще держатся нивы
и заводы — во всех городах.

1989 г.

УТРО НА ТИХОМ ОЗЕРЕ

91 над Тихим озером — ольха...
Ольха над Тихим озером
свои зеленые меха
чуть тронет утром розовым.
И рябь по глади пробежит,
волна по лодке сбавляет.
Рыбак, очнувшийся ворчит:
«Проспал зарю рыбацкую...»
За тихим озером — сосна...
Сосна за Тихим озером
ярко-зелена и красна,
как медь, когда в ней прозелень.
Над Тихим озером — заря...
А за горою Светлою
бросает солнце якоря,
придя из кругосветного.

1989 г.

Со всех амвонов нам внушалось,
что наша правда — на века.
Но вера в Слово истончалась
и держит Дело нас пока.

1990 г.

Круглолица, брови светлой ниточкой,
под косынкой — рыжая коса.
Все вздыхают: «Ах ты, Нина-Ниночка!
Сказочная девица-краса!»

Как халат хрустит ее, в обтяжечку,
при наклоне... Как она шлепком
ставит нам уколы нежно в «ляжечку»,
в «ягодичку»... Как она при том

улыбнется многообещающе,
ласково ладошкой проведет...

...И с улыбкой кто-то из товарищей
в мир иной под утро отойдет.

Удивившись, надо уходить:
что за жизнь потом —
без удивленья?..

...Уходя,
хочу оставить нить
удивительному поколению.

*М*ой племяш — лентяй и созерцатель.
Это состояние свое
называет наслаждением жизнью.
Он — акселерат.
И есть в нем схожесть
с выросшим у пня побегом поздним:
все вокруг готовятся к зимовке,
прячут золото, яхонты, рубины,
утепляют налитые почки,
он один —
зелеными ушами
шевелит, счастливый,
наблюдая, — что творится осенью в лесу.
Общее еще у них одно: сироты.

ВЕЧНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

В безлюдном месте соверша
безнравственный поступок,
все же
наказан будешь: ведь душа, —
свидетель зорче,
чем прохожий...

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТРЯК

М *Л*асмурно, глухо было:
ни взблеска, ни ветерка...
Солнце вдруг тучи пробило —
крыльями ветряка

стали вращаться плавно
его золотые лучи...

Так на душе стало славно! —
будто нашел ключи

от ветряка волшебного,
и стронулись жернова, —
рождая в душе слова
свежего духа — хлебного.

1994 г.

ЛИКИ ТВОРЧЕСТВА

I

*М*елодия жила и — отзвучала
намеком, обещанием любви.
Прошу тебя: сыграй ее с начала,
не обещание — саму любовь яви.
О тайна музыки! Она негромкой
мелодией
астральные тела
соединяет паутинкой тонкой —
для передачи страсти и тепла.
Играй на бис! Иль мыслию неслышной
пой о любви и не ищи слова:
нас музыкой соединил Всевышний...
Мелодия звучит — пока любовь жива.

II

Остановись мгновенье! И — застыли
вдруг сонмы звуков, цвет приобрета...
В обличье новом, милая, не ты ли
передо мною — музыки дитя?

Вирсавией зовут тебя, Данаей...
Меняешь ты прекрасные черты.

Но сердцем чувствуя, я верую,

я — знаю:

беззвучной музыкой глядишь
с полотен ты.

1995 г.

*П*осле того, как
я ушел, ты осталась
одна в комнате. Ты
сидишь на кровати, и
мысли твои летят
туда, где ты была
раньше. Ты вспоминаешь
все, что было между
нами. Ты чувствуешь
его запах, его тепло.
Ты плачешь. Ты
думаешь, что ты
уже никогда не
увидишь его снова.
Ты чувствуешь, что
ты его потеряла.
Ты чувствуешь, что
ты его любила.
Ты чувствуешь, что
ты его ждешь.
Ты чувствуешь, что
ты его любишь.

...мысли — ты вспоминаешь
...вспомнишь — ты вспоминаешь

Судьба мне выпала такая.
Но я ее благодарю.
Слезам твоим не потакая,
с улыбкой жду свою зарю.

Без озлобленья, без завидок
какой я есть — и буду жить!
И вьется волос без завивок,
и голос ясный не дрожит.

Живу — не бедно, не богато...
Но затуманится мой взгляд, —
когда я вспомню вас, ребята,
беспомощных перепелят...

1995 г.

ДВИЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Ветшают юбилейные заборы...
Осевшие мещанские дома
глядят на них — на суматошный город! —
то не дома — история сама!

За окнами герань и бальзамины,
резной комод, продавленный диван:
полвека прослужил он без замены
и, значит, как хозяин, — ветеран.

На стенках фотографии... В серванте,
со снимками есть плюшевый альбом,
там барышня тоскует о сержанте,
та барышня! — что в платье голубом.

По настроенью здесь порой заводят
трофейный портативный патефон
и слушают, хоть нравится Кобзон,
речь — с паузами — всех вождя народов;
Руслановой — со срывом — смех иль стон...

В крупнопанельном доме, на гитаре
их внук брунчит про бой на Кандагаре.
А правнук сочиняет песнь свою:
про Гудермес, Шали и Хасавюрт...

...Вновь красят обветшалые заборы —
какой-то юбилей наверно скоро...

1999 г.

Коть и бабье лето на дворе —
бусенец все сроки перепутал:
моросью парной весь мир окутал.
Вот в такую грустную минуту
встретились с тобою в сентябре.

Были в октябре деньки зато —
будто летом, с солнечным приглядом!
Ты меня своим молила взглядом:
я с тобой хочу быть вечно рядом,
отыщи в своей душе затон!

Что ж! Живи... Пока пурга и вьюга
будут выть и с ног меня валить —
ты в душе моей. Лечи недуги
иль колдуй над квадратурой круга...
Можешь просто паруса смолить.

...В марте вновь, весны почуя смуту,
на брусвяной, брезжущей заре
уплыла...

И снова, перепутав
всё мне в жизни,
ты в сию минуту
входишь тихо —
в светлом сентябре...

СЕМЕЙНЫЕ ЧАСЫ

Часы семейные сломались —
и всё пошло вперекосяк.

И мы жестоко просчитались,
приняв за главное пустяк.

Как в детективе в духе Чейза,
часы над нами взяли власть.

И власть любви у нас исчезла,
и нить родства оборвалась.

И стало всё для нас проблемой.

Развод для нас стал общей темой.

Когда ж часы остановились,
я попросил их сделать милость.

Я починил их и поставил
на место прежнее, на шкаф.

Я их опять идти заставил.

И ты сказала, что я прав.

В ложбинке тайной бьется жилка синяя
и хоть все в мире женщины слабы,
но не разжать руки, где скрыта линия
твоей судьбы.

Под нежной кожей жилочка пульсирует.
И, закусив чуть краешек губы,
ты говоришь, решившись и не милоуя:
— Прочь от судьбы!

В привычном темпе бьется жилка синяя.
Ну что ж ты так, родная, напряглась?
Обиделась? Но ведь не только линия, —
твоя судьба с моей
переплелась...

ОТКЛИК

О пять и мечты, и сомненья
меня полонили совсем.
Как юноша, снова в волненьи
я код набираю «07».

А в трубке пушистенький гномик
шевелится и ворчит.

И только желанный твой номер
упорно и глухо молчит.

Я напрочь убит и подорван
упорством твоей немоты.
Тогда перед мысленным взором
безмолвно являешься ты.

Но, Боже, хотя бы дыхание,
хотя бы рыданье яви!..

...Запахло твоими духами, —
как ладаном в храме Любви.

Я тебя забывать погожу:
еще пахнут тобой подушки,
и волос твоих солнечных стружки
то и дело еще нахожу...
Я тебя забывать погожу.

Я тебя забывать погожу...
Не подумай, что просто не в силах!
Специально твой маленький снимок
я в нагрудный карман положу
и тебя забывать погожу.

Я тебя забывать погожу,
хоть, наверно, не свидимся боле...
Я с тобой перейти думал поле,
да видать не осилил межу,
но тебя забывать погожу!

Я тебя забывать погожу...
Но и так убиваться — не дело!
Будет трудною эта неделя.
Что скрывать? Всё понятно ежу!
Потому я чуть-чуть погожу.

Погожу... И в окно погляжу:
облепили рябину синицы...

Ах, как хочется вусмерть напиться...
Но пока погожу.
Погожу.

В сыром бору по доброй воле я
обрек себя сейчас на заточенье, —
чтоб разобраться:
что моя семья,
что я
и каково мое значенье
в семье — ячейке общества,
и — в нем,
и — что оно собою представляет —
то общество?..
...Рябиновым огнем
в сыром бору подлесок полыхает...
Рябки на старом профиле свистят...
Клесты снуют по деревьям проворно...
Я — думаю...
Но непослушный взгляд
заметил лиственницу: золотистым горном —
фанфарою! — трубит она в зенит, —

как в лагере, — когда играют зорьку...
Чуть слышно: щелк! — и желтый лист
летит,
 подныривая...
Воздух винно-горький...

...И я уже забыл про заточенье,
про общество
и про свое значенье...

1992 г.

(Faint, mirrored text, likely bleed-through from the reverse side of the page)

В години горести народной
как не поверить в чудеса!
И, разоренный, но свободный,
гляжу с надеждой в небеса...

Гляжу: быть может, сам Спаситель
разверзнет ясный небосвод
и заберет в свою обитель
меня и сырый мой народ,

гляжу: быть может, Божья Матерь
мне явит светоносный лик?..

И — чудо! —
с вышней благодати —
ответом! —
лебединый клик!

1993 г.

Глаза в глаза...
Общаться бессловесно
с людьми,
с собаками,
с природой,
с объективом, —
хоть с кем иль с чем, —
мне кажется, приятней
и искренней:
тогда идет общенье
на уровне подкорки, подсознания;
я чувствую себя при этом сосудом,
сообщающимся с ними бессловесно:
то часть меня уходит безвозвратно,
то что-то новое,
порой помимо воли,
перетекает прямо в душу мне —
неописуемое, как любовь...

1993 г.

Время летит, разделяясь на две половины:
 прошлым и будущим их называют всегда.
 С прошлым я накрепко связан своей
 не отмершей пока пуповиной,
 с будущим — только мечтами,
 что шлет, как лучи, мне звезда.
 С каждым мгновеньем
 (это мгновенье зовут настоящим!)
 неравенство двух половин временных
 человек ощущает сильнее.
 ...Если б замкнуть их в кольцо
 некою силой животворящей,
 стало б мгновенье тогда
 вечности вечной длинней...

1993 г.

ОДНОЙ ЛЫЖНЕЙ

91 е приревнуй к сопернице своей:
ведь я твоя вторая половина.

Давай с тобой на лыжах от людей
уйдем, Галина!

В тайге морозной вновь в самих себя
мы обратимся на лыжне недлинной.

Я там сильнее чувствую себя.

А ты, Галина?

Со склона вниз — и в гору в тот же миг!

Влюбленные — два вечных пилигрима.

Вот так и в рай бы вместе — напрямик!

Войдем, Галина?

Тополя отстреливают ветки,
 крона разрослась — не по корням:
 как никак, побеги — те же детки,
 будут сок тянуть, просить: ам-ам!..

К тополям — претензии какие?
 Сколько хочешь, их кори, стыди.
 А вот люди — девки молодые! —
 отторгают деток от груди,

так же их безжалостно бросают,
 как сегодня ветки тополя...

Тополя из веток вырастают,
 если принимает их земля
 так, как сердобольные соседки
 привечают
 на Руси
 сирот...

Тополя отстреливают ветки —
 видно, время трудное грядет.

СОНЕТ О ВАС

*д*оть мы уже давненько с Вами
не говорили тэт-а-тэт, —
Ваш столь изящный силуэт
так и стоит перед глазами.

Что я был очарован Вами,
в том удивительного нет.
Вы говорили не словами:
собой Вы заслонили свет —

и силуэт Ваш мне невольно
пришлось подробно изучать.
В нем было столько линий сольных
обворожительно-бемольных,
что весь Ваш облик стал звучать,
как музыка, любви под стать!

1992 г.

Вдали от милого порога
трястись мне вдоволь довелось
по пьяным северным дорогам,
тайгу секущим вкривь и вкось;
пилось и елось понемногу,
но так, как дома, не спалось...

1993 г.

В СОЦГОРОДЕ

В сумерках снуют машины бойко,
а на тротуарах — никого.
Новостройки детства моего!
С болью узнаю вас, новостройки,
словно друга на больничной койке,
после возвращения своего.

И — как зазеркальная картина, —
где же он, сердешный наш народ?
У подъездов пусто... Не поет
уж никто про тонкую рябину...
Гаражи сварные у ворот,
в гаражах и погребах — куртина...

Да и в этих грузных инвалидах —
как признать мне прежних тополя?..
Знать, как нас, их стригли не для вида, —
наголо! — зеленых дошколят...
Подступила исподволь обида
за сажавших тополя ребят.

Иа сугроб декабрьского дня
опустились стайкой свиристели.

Замелькали, весело звеня
солнечными зайками
среди елей...

А один храбрец,
не будь дурак,
подлетел к балку, сел на окошко,
постучал в стекло,
там,
между рам,
как в витрине — пауты и мошки!

Тяжело тебе придется без меня:
будет некого тебе обвинять.

Ни разборок полуночных, ни ссор:
без дровишек — какой же костер?

Ни обманов, ни подначек, ни обид.
И от страха за меня не знобит.

Тяжело тебе придется без меня:
будет некого ругать, погонять,
будет некому пенять,
будет некого обнять,
понять...

И нельзя будет узнать
ни наяву, ни во сне
кому тяжелей без меня:
тебе?
или мне?

1998 г.

Стареют не деревья — древесина.
Но и она способна жить века,
когда коснется мастера рука
ее: она в стенанье клавесина,
в рыданьи скрипки, в воркотне рожка...

Вот так и мы: всё выше, всё скорее,
раскидистой... А между тем, стареем,
деревенеем, с хрипами дыша,
и скрытою себя надеждой греем,
что будет петь —
хоть в чем-нибудь! —
душа...

1998 г.

Тихо и грустно... А снег
падает редкий и мелкий.
Кто-то, рассеянно-меткий
в душу кидает мне смех.

Тихо и грустно... Но вдруг
что-то во мне совершилось —
сердце в волненьи забилося...
Как всё прекрасно вокруг!

Мелочен — быт. У забот —
мелочна тоже основа.
Главное, хочется снова
жить! Да поможет мне Бог.

1998 г.

9/ акануне рождества Богородицы
выпал погожий по-летнему день.
На душе потеплело,
а на тело, как водится,
снизошла, на пригревке,
блаженная лень.
Сквозь ресниц
золотисто-оранжевых
чащу
просочился в глаза мои
благостный свет, —
я себя ощутил вновь парнишкой,
сидящим
на завалинке дома...
А дома уж нет.
1998 г.

Жизнь летела, длилась и кукожилась,
но манила счастьем — как сирень.
Оказалось — жизнь почти что прожита...
Где же он, счастливый самый день?

Жизнь свою просматривая пристально —
как букет сиреневый в росе,
должен я признаться, что по истине
счастливы все дни у жизни.

Все!

1998 г.

*М*алиновый закат, как рану туча лижет,
 вечерний вздох запутался в овсе.
 На луч последний солнце спешно ниже
 дождинки — как жемчужинки... Совсем
 не чувствую себя, когда тебя увижу, —
 тебя, бегущую по дождевой росе...
 Ты далеко еще, но — ближе...
 ближе...
 ближе...
 Как без тебя я жив еще досель?!.

Перяем где-нибудь полушку,
просыплем табака понюшку —
и нам потерянного жаль.
А убегающее вдаль,
текущее меж пальцев время
не ценим... Превращая кремень
в песок, искры не высекаем...
Как будто бы неиссякаем
и вечен жизненный родник,
а ты —
навек к нему приник...

1999 г.

Одной березы ветви.
Один нас ломит ветер.
Один знобит мороз...
Нельзя нам быть поврозы!

Взросли на жесткой почве.
На бойком приобочье,
где — обломи да брось...
Нельзя нам быть поврозы!

Друг другу солнце застим
продрогшие в ненастье,
промокшие насквозь...
Нельзя нам быть поврозы!

Пусть дровосек нас срубит,
когда судьба погубит, —

лишь вместе б, как жилось...
Нельзя гореть нам врозь!

2000 г.

91 е могу себе живо представить
новорусских на брестской заставе.

Я представить себе не могу:
новорусский не сдался врагу,

а в плену — не пошел на подлянку,
что живет в партизанской землянке...

Не могу я представить себе
новорусских в смертельной борьбе, —

чтоб огонь — на себя,
чтобы смело
жизнь отдать за народное дело...

1995, 1999 гг.

Солнце сквозь голубой клочковатый туман фокусирует взгляд свой на наши владенья: то контрастно вдруг высветит ближний урман, то притушит свой зрак, как во время затмения...

Эх, рыбацкое счастье! — и ты от меня отвернулось сегодня кому-то в угоду...
В лес пойду по грибы! По колодам и пням погляжу: без грибов не вертался я сроду.

Нет, не время опятам... Вешенки зато хороши: белоснежны, душисты, упруги.
А в подлеске, как будто бочата лото, черныши: сами, кажется, прыгают в руки.

Но и счастье грибное иссякло... Пора возвращаться домой... Комары зазундели...
То ли дятел стучит, то ли звук топора?
Птиц не слышно: они свои песни отпели.

Пал на землю туман. Солнце сушит росу на открытых полянках и ягодных взлобках.
Ну не счастье ли это — встретить утро в лесу и домой возвращаться возвышенно —

робко?..
2000 г.

Радость в моих угожьях —
густо морошка прет!
Солнышко без поводьев
с неба никак не уйдет:

палит без меры по-русски...
Копит морошка прок —
на зиму! —
солнца сгустки,
словно взяла оброк...

2000 г.

ВЕТРЫ ЮГОРИИ

Пуржистые ветры Югории!
Опять вы напомнили мне
то время, когда с вами спорили —
ершистые! — мы наравне.

Как вы налетели неистово,
сметая следы на сорах!
Вы души пытались нам выстудить,
посеять сомнения, страх.

В лишениях... Страдая, но радуясь,
что дюжим в суровой борьбе,
мы с Верою строили Радонеж
всем людям страны — не себе.

Югории ветры пуржистые!
У вас снисхождения нет:
всё так же правдивы, неистовы...
Эх, мне б комсомольский билет!

2000 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Прежние — березы и осины.
Прежний — дом, скрипучее крыльцо.
Прежнее — родное, всё в морщинах,
мамы загорелое лицо;

взгляд ее — в нем радость и тревога;
ласка в голосе и доброта...

Прежняя, что за спиной, дорога...
Только ты, пришедшая, — не та!

2000 г.

ЛЮБИТ — НЕ ЛЮБИТ

Я всего лишь травинка, росток,
синеглазый цветок-василек.
Меня ветер к земле гнуть пытался:
улетал он, и я выпрямлялся,
снова грел меня солнечный луч,
рад был я и росе и теплу.
Я приютом был мошкам-букашкам;
был соседом шалфеям, ромашкам;
прилетали к нам пчелы, шмели:
обстоятельно дело вели!
Всем хватало пыльцы и нектара!

А сегодня под звуки гитары
вырван стебель мой с корнем... С тоски
кто-то рвет и мои лепестки,
бормоча то ли: «Любит — не любит...»,
то ли: «К черту пошлет и погубит...»
Кто-то, где-то, кого-то любил
и меня невзначай погубил...

2000 г.

МИГ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Любая женщина прекрасней
бывает, надо только миг
преображенья беспристрастный
увидеть: эту — среди книг,
ту — при замешиваньи теста
иль перед зеркалом... во сне...
И всех — когда они невесты!
...А матери прекрасны все.

2000 г.

С тобою неразлучны мы росли.
В ручье купались и телят пасли.
С тобой на пустыре сажали сад,
но братья тебя в город увезли.

Пока я в горе пролил море слез,
чертополохом быстро сад зарос.
Но и в заросшем без тебя саду
жил соловей тех, юношеских, грез.

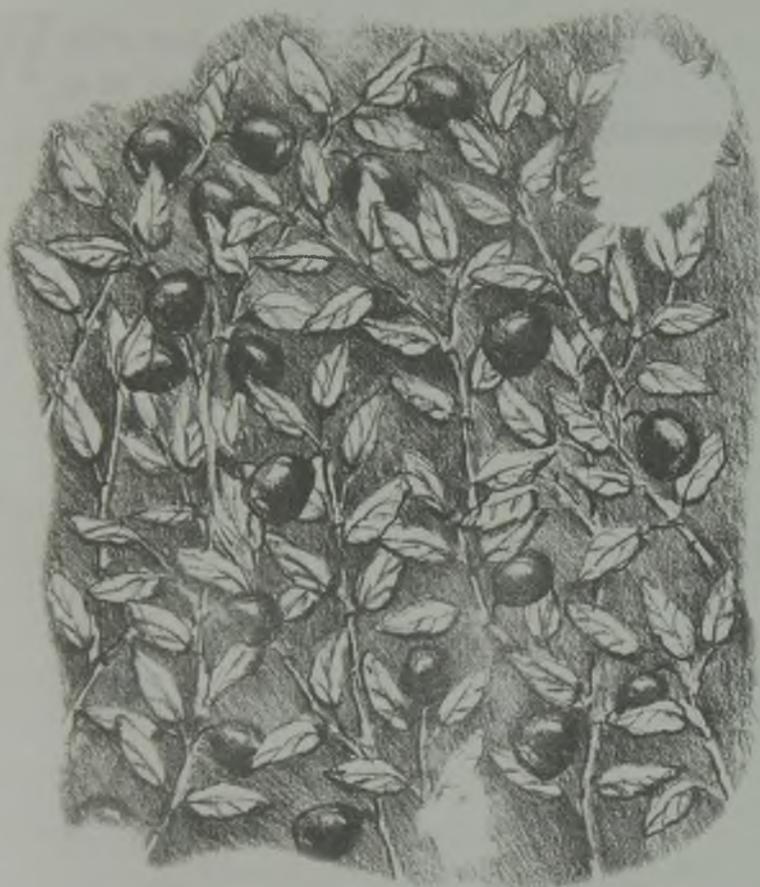
И вновь в цвету и аромате сад!
А ты стремишься в город свой назад.
Ужели ты без городского чада
не проживешь — как без степи намад?..

2000 г.

ОСЕННИЙ ПАРФЮМ

*Т*лубокой осенью я слышу этот запах
в урёме — посреди черемух и осин.
Поспевший хмель гирляндами висит;
бордовая листва вся в дождевых
накрапах —
осенний дождь ходил на мягких
лапах
по ней всю ночь: бусил, бусил, бусил...
...Как сказки детства, снятся
в полудреме
мне эти запахи
осенние
в урёме...

2000 г.

МЕГИОНСКИЕ МОТИВЫ

Пусть морозы суровы, как прежде,
и от ветра сочится слеза,
нынче день, словно первый подснежник,
распахнул голубые глаза...

Стали синими черные ели,
и в рассыпчатом звонком снегу,
как в волшебной жемчужной купели, —
окунаемся мы на бегу...

А замрешь — и такое безмолвье
в винно-розовом и голубом!
Разноцветные микромолнии!
Замирающий микрогром!

1962 г.

Перемогли декабрь...
И вот
идет само собой
Ярилы вешнего восход
пурпурно-голубой.
Ему навстречу я готов
бежать, пока есть дух,
взметая снег из-под унтов,
как лебединый пух...

Искрится снежная пыльца
в лучах его косых —
с разгоряченного лица
смахну, как горсть росы...
Не бег, а словно бы полет
через кометный шлейф...
...Ярило высоко взойдет
и в небе ляжет в дрейф...
И будет день у нас тогда
под стать размаху дел —
пришла горячая страда
в полярный наш удел...

1963 г.

ЭКСПОНАТ

*П*омнишь, как мы приходили
после вахты в свой балок,
как соляркой разводили
поскорее огонек?

Знал балок все наши мысли,
слушал с нами гвалт ветров...
Из него теперь мы вышли
на проспекты городов.

Тех, что выросли за нами,
где теряли мы друзей...
Неужель его как память
мы сдадим теперь в музей?

Лучше мы давай, товарищ,
сложим песню про балок, —
вроде песни про фонарик
иль про синенький платок...

1967 г.

ГОЛУБИКА

Голубика, голубика!
Синие фонарики!
Голубые светляки,
праздничные шарики!

Голубика, голубика!
Ягода таежная!
Голуба-душа лесная,
милая, тревожная...

Видно долго мы глядели
на твое сияние —
и глаза поголубели
в это утро раннее...

*Б*агульник в рост пошел. Его побеги
друг к другу жмутся, ушки наострив.
Он не зацвел еще, но сладкий запах
багульника
в симфонии таежного дурмана,
как скрипка среди фаготов и гобоев,
солирует в прохладной белой ночи...
А мшаники — как млечный путь, мерцают:
там зацвела чудесная морошка;
ее цветы сияют, словно звезды
большой величины...
Цветочки клюквы —
сродни метеоритной пыли...
И тут же лебеди, расправив мощно крылья,
бегут по отражению заката...
Погасли звезды... Их лучи опали лепестками —
...Чалдонский чай! Моченая морошка!
Даруете вы путнику усладу
тела, благодать духа, радость жизни.

1975 г.

У вас январь — морозец, вьюга...
А то — опять поплыл каток...
У нас январь... нет, январюга! —
неимоверно был жесток:
рессоры сыпались у КрАЗов,
солярка резалась ножом.
И разговор короткий: фразы
просты,
увесисты, как лом!
Почти везде простой по акту:
металл не терпит...
Люди — что ж? —
не рад жестокому антракту
последний лодырь...
...Бесит всё ж:
ну почему морозный вирус
лишь нашу технику разит?! —
вон в сизом мареве
«Магирус» —
шумит, как примус, паразит...

1977 г.

СТИХИЯ

*Памяти В.Серова
и его товарищей*

И и крепкий утренник, ни майская пороша
уже не остановит ледоход.
Вах вздыбился — и людям жребий брошен:
того гляди, и головы снесет!

Пурга едва завьюжится — и тут же
становится долбнею и дождем.
Вах полнится. И вот он, поднатужась,
крушит заторы, помощи не ждет.

Река напропалую, без лекала
спрямляет путь и щепит долготье
Кого когда-то гибель миновала, —
сейчас не жди пощады от нее!

Вах к жертвоприношениям привык.
...На этот раз он принял пятерых.

1979 г.

ВАХОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Уляют по Ваховску девушки в шортиках.
Лежат в бикини
на берегу...
Глаза протираю:
неужто до чертиков
набрался? — иначе —
поверить
глазам
не могу!
Где — комары, местные и залетные?!
Мошка,
пауты
и прочий гнус?!
...То-то, смотрю, не хватает чего-то мне.
Да это же здорово!
А на сердце — грусть...

1994 г.

НА РЫБАЛКЕ

*Э*тишина морочная над сором.
В мегиионском небе дымный смог.
Посижу еще под косогором:
погляжу на сонный поплавок.

Разведу у самого уреза
светлый костерок из плавника.
На душе обидчивой порезы,
может, зарубцуются слегка.

Заменю наживку и закину
снасть подальше — так, что чмокнет груз...
Положу трескучую осину
в свой костер, а вместе с нею — грусть...

А когда осина разгорится,
искры в синий сумрак полетят, —
может, и тебе вдруг загрузится,
если ты на Мегу бросишь взгляд...

Тишина морочная над сором.
Затопил закат лиловый смог.
Выхожу я в город косогором —
Ты бежишь навстречу со всех ног!

1981 г.

У ходит геолог на пенсию...
Хоть трудно поверить,
но — факт:
его лебединую песню
прервал прямо в «поле»
инфаркт.

Что ж,
дети давно уж пристроены.
Жаль, виделись лишь в отпусках...
Квартира еще не достроена,
но сделан уж взнос в ЖСК.

Работай по силе-возможности,
и — внуков пора поднимать...
Проста диалектика сложности:
знать время долги отдавать.

Уходит геолог на пенсию...
А много ль прошло-то с тех пор,
когда свою трудную песню
с ним вместе запел
Самотлор.

1984 г.

По Югану всё смородина
а брусника — во бору...
Ой, Сибирь, вторая родина,
я пришелся ко двору!

Четверть века всё же шаяла
думка искоркой в углях:
если что, так ведь большая, мол,
за Уралом есть земля...

Ведь сюда я шел не рекрутом —
заманили глубь и ширь.
И теперь большее некуда
и родней, чем ты, Сибирь!

На твоих ли на просторах-то
уработаюсь я всласть.
У меня довольно пороха:
и запалке — не пропасть.

Леночке с Анастасиею —
синеглазым дочерям —
им любовь свою к России я
и к Сибири
передам.

1984 г.

*П*руб — при спуске — громыханье,
рочот дизелей, —
буровой моей дыханье:
нет его милей!

Я сроднился с ним настолько —
что от тишины
ночью вскакываю с койки,
и уходят сны...

У меня судьба в зените:
в буднях, в суете...
Не дождусь еще открытий —
что на долоте!

Труб глухое громыханье,
словно гул стихий.
На одном идут дыханье
у меня стихи.

1984 г.

ДОРОЖНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

После мерзлой таежной дороги
по бетонке летишь — благодать!
Повороты и спуски пологи.
Распрямить, наконец, можно ноги,
посмотреть на пейзаж, поболтать
или просто подумать о личном:
как живу?..
...Будто взял напрокат
эти быстрые годы вторично
а уж срок отдавать их назад...
Солнце село... И красно-кирпичный —
на полнеба — экраном — закат...
Облака — словно легкие тени
тех, моих двадцати с лишним лет,
что отдал знаменитой Тюмени
подмастерьем... в ее измереньи...
Хоть и грустно, а горечи нет...
Кедрачи — как массажные щетки, —
причесали закату вихор...
Всё ж я горстью давал, не щепоткой,
что имел... Уж которому слётку
на крыло встать помог я с тех пор?..
«На лосином болоте»! — богатый
умбро-суриковский колорит...
«ЛЭП» шагнула опорой рогатой...

чем, скажи, не матерый сохатый —
будто небо боднуть норовит!..
На бетонке пустынно...
Лишь роспуск —
как обрубок гигантской змеи...
Змей-Горыныч!..
А скоро ведь отпуск!!
интересный получится опус:
если все вдруг сложить колеи,
по которым пришлось мне проехать
в голубую таежную даль, —
под «седлом», под «завязку», под «нехоть»,
налегке, на буксире, всё — к спеху! —
До луны — это б точно! — доехал...
А обратно?..
Обратно — едва ль...

1986 г.

*D*ень-то, глянь, куда с добром:
всё покрыто серебром!
Там подзор, а тут — узор.
Небо — чистая лазорь...

Ветерок — но в заушенье
настоящий бокогрей.
Только жаль, что в запустеньи
уголок сей на Югре...

Ж асосавшись сонной крови,
весь раздувшийся и красный,
как пожарный вертолет,
тяжело комар взлетает:
хочет выбраться наружу
он из полога
сквозь марлю, —
чтоб потом в укромном месте
отложить мильен личинок...
Раздави его спросонья
ничего не понимая,
и усни! И спи спокойно!
Спи спокойно, не терзаясь,
за тобою нанесенный
комариному отродью
ощутительный урон...

Пак и не было бабьего лета:
 хмурь и сырость...
 И только сейчас, —
 на черницу Арину, —
 просветы
 голубые,
 как проблески глаз, —
 сквозь дрожанье ресниц,
 насурьмленных,
 сквозь закат,
 сквозь румянец щеки —
 полыхнет, словно выдаст
 влюбленных.
 ...И опять забусуют деньки.

Усталые листья притихших лесов...
Когда же ты кончишься, долгое лето?
Ни звука... Ни эха былых голосов:
все бодрые песни
ужу перепеты;
и вызрело всё, что способно
созреть,
и замерло всё на волне апогея...
Но — пискнет синичка, одна, на заре —
партер оживет, загалдит галерея,
закружатся в плясках цыганских леса,
и ветры поставят свою хабанеру...
...Вот так и в душе вдруг —
предчувствую сам:
чу! шорох листа,
подрывающий веру
в затишье,
в загладье,
в забвенье,
в застой!
Лист падает!
падает
лист
золотой...

1987 г.

91 астенка мила и востроглаза, —
вылитая старшая сестра.
И по фотографии не сразу
различишь их... Видимо пора
и ее пришла. И совершилось
таинство. Нежней овал.
Синь в глазах загадочно сгустилась.
Волос погустел, закудревал.

Ах вы, перемены растакие,
розовые в девичьей судьбе!
И не бабки ль это Евдокии
гены заявили о себе?

Станет ли в нее она горячкой?
Или, у судьбы на поводе,
шустрые глаза переиначив,
одолеет кротостью беду?..

1987 г.

ОТЛЕТ

Будто щепками пня играет медведь:
«кры-кры...»
Только под сиренево-серый купол ему не взлететь:
нету крыл.
Это — лебеди медленный делают круг:
кружат
над озером, где вывели они — не вдруг! —
лебежат.
Поднимаясь, всё выше и выше — спиралью! —
из глаз
исчезают они за сиренево-серой вуалью...
«Ждите нас!..» —
означает затихающее «кры-кры»,
выпавшее, словно перышко, из застрехов
небесных крыш...

1990 г.

РЕЛИКТЫ

*В*есенний кедр метелки распушил —
как будто вместе с глухарем токует!

Какие он морозы пережил!
Недавно бурю выдержал такую!

И он теперь ликует — как глухарь,
ввысь тянется, смолой изнемогая...

Но, изрыгая сизый дым и гарь,
свой ток творила рядом жизнь — другая!

И ТОЗовки отрывистый хлопок
заглушен был одышкой железа.

Глухарь свалился прямо на капот
бульдозера — тот

кедру

горло

резал...

1993 г.

МЕГИОНОЧКА

Т

ы, моя хорошая, хитра:
у тебя походка «от бедра»!

Ты с утра до вечера бодра.

Ох, как мне нравится

твоя походочка!

А для тебя — игра!

Или вдруг замрешь ты на крыльце.

У тебя смущенье на лице:

будто под фатою, при венце...

Ох, как мне нравится твое смущение...

А для тебя — концерт!

А — чего — хочу тебе сказать:

перестанешь ты меня терзать?!

Предлагаю тебе выйти за...

Ох, как мне нравятся

твои глаза!

МЕГИОНСКАЯ ЗВЕЗДА

Г.И.

СВ небе ранняя луна.
Город серебром окован...
И серебряной подковой
Мега из окна видна.

Милая моя жена,
скоро век настанет новый!
С Рождеством тебя Христовым!
Да пребудет жизнь полна

Чистой верой и любовью:
поднялась от изголовья
Вифлиемская звезда! —

и, как северным сияньем,
осиянны россияне,
пажити и города...

1994 г.

ТО ЛИ ДЕНЬ, ТО ЛИ НОЧЬ...

Сладкий — багульника, терпкий — черемухи
запах.

Глыбь или высь — мне уже ничего не понять.
Я заблудился совсем: где восток, а где —
запад.

Белая ночь это или затмение дня?

То ли день?

То ли ночь?

То ль затмение?..

Моя лодка плывет по течению.

Вниз по Меге плывет моя лодочка,

а напротив меня мегеионочка,

Я — мегеионец, и этим все сказано, братцы.

И мегеионцы — друзья все мои и родня.

Я — мегеионец и должен вам честно признаться,

что в мегеионку влюбился без памяти я...

То ли день?

То ли ночь?

То ль затмение?..

Моя лодка плывет по течению.

Вниз по Меге плывет моя лодочка,

а напротив меня мегеионочка...

После мрака слепых непогод,
затяжных ураганных и вьюжных,
совершается солнца восход
в облаках серебристо-жемчужных.
Серебристо-сиреневый день
занимается над Меггионом.
По снегам переливчатым — звень
в переключку с серебряным звоном.
Мир вокруг и прекрасен, и нов:
воробей соловьино затенькал!
Перламутровых сколько тонов!
Сколько всюду жемчужных оттенков!..
Бахрома, канитель, кружева...
Блеск и трепет хрустальных подвесок...
...И моя — в серебре! — голова.
И лишь голос — простужено
резок.

Вах разошелся!.. Но кажется, днями
он остановится... Жаль...

Платья березки в воде приподняли,
пробуют: «Не холодна ль?..»

Вах затопил все поля и дороги,
полнится полой водой.

«Ах, убежать бы, да белые ноги
держит, видать, водяной...»

Лодочных весел короткие взмахи.

Глуби слились с высотой...

Так бы и плыть мне по Ваху и ахать —
вешней дивясь красотой...

Да не судьба... Ждут меня буровые:
отдан я им до конца.

На вертодроме всхрапнут воронье
и унесут молодца...

ГОРОД НАД МЕГОЙ

*Г*ород над Мегой сегодня укрыт белым снегом.
А на бетонке вьюга — как песец голубой...
В город над Мегой
еду я с вахты — домой!

Город над Мегой весной вселенским ковчегом
высится средь половодьем залитых болот.
Город над Мегой
полон весенних хлопот.

Где бы я ни был — меня, как паломника в Мекку,
сердце влечет, я лечу, забывая покой —
в город над Мегой,
в город над Мегой-рекой.

«Город над Мегой...» — кто-то процедит надменно.
«Город над Мегой!» — скажу я спокойно в ответ:
«Город над Мегой! —
лучше которого нет!»

1994 г.

*М*ы в тайге дороги строим,
строим вдоль и поперек.
Скоро всю Сибирь покроем
сетью каменных дорог!
будут всюду переправы,
даже Обь нам — не межа!
Хочешь — влево, хочешь — вправо,
хочешь — прямо поезжай!
Хоть куда! Была б охота:
на четыре стороны!
Можешь ехать на работу
или — к теще на блины!
Можешь ехать днем и ночью,
от зари и до зари...
...Только нас, друг, между прочим
изредка благодари, —
что в тайге дороги строим
так вот: вдоль и поперек,
что потом асфальтом кроем
спины каменных дорог...

1995 г.

НЕТ ДОРОГАМ КОНЦА

Дали голубые,
окоема ширь.
Будто бы впервые
видится Сибирь:
топи да болота,
лес да бурелом.
Два часа полета
в небе голубом...
Тающие дали,
синие края!
Вы меня позвали,
ну, так вот он: я!
Где еще теленка
и Макар не пас,
проложу бетонку —
в Вах и Лангепас!
Будет без работы
летчик...
Эх, держись:
катит беззаботно
по бетонке жизнь!
Да вот я девчонку
встретил, как на грех...
Мега — Мегионка!
Ты милее всех!

Прячу я тревогу:
грустно одному!
И веду дорогу
к сердцу твоему.

1995 г.

1998

Поднимается туман
над болотиной.
От багульника дурман
до тошнотины.

Рядом лось трубит:
выходите, мол!
Ветер Обь рябит
досадительно.

Обласок юлит,
воду черпает.
Буруны на мели.
Берег с вербами.

1998 г.

ВETERАНСКИЕ СТАНСЫ

*D*ефолиантами не поливал тайгу
и не глушил фугасами тайменя;
без озлобления переждал пургу;
консервы ел,
случалось — и пельмени.

Я в этот край пришел не за деньгой:
здесь оказался я из чувства долга.
Мне Усть-Балык, Сургут иль Уренгой —
что для отца —
Волоколамск и Волга.

Но по ночам — как ветеран войны,
войны неправедной! — я весь в тревоге:
Кошмары снятся...

Начинает ныть —
больное сердце,
отниматься — ноги...

Я — ветеран. Я — инвалид войны
(хотя звалась она Великой стройкой!).
Все комиссары, «подвернув штаны»,
нас бросили, рванув за перестройкой...

За наше счастье — вновь они в бою!
Вновь обещают рай
и призывают!..
...Я унимаю в сердце боль свою,
она — моя награда призовая.

1992, 1998 гг.

ВАХТОВЫЙ АИСТ

Я сижу на Аганской горе.
Подо мною река в серебре.

Пламенеет по склонам рябина.
Про Илью вдруг всплывает былина.

На слепой глухариной заре
новый век подступает к горе.

Смог тяжелый втекает в долину...
Стало жутко: окутал калину.

Улечу до весенней поры
далеко от осенней горы.

А почуяв щемящую грусть,
на Аганскую гору вернусь.

Жив Калинов, наверное, мост
по пути на всемирный погост.

1998 г.

Ах ты, ночка, недотрога-ночка...
Наклонилась ива над водой.
А над нею месяц молодой —
серебристым ивовым листочком.

Затаилась ночка-недотрога:
не вздохнет, листком не шевельнет,
хоть и знает точно наперед —
солнце и во мгле найдет дорогу...

1994, 1998 гг.

*Р*азливается Вах
по сорам и по урьям
Меж подтопленных грив
на токах — косачи...
Золотится вовсю
на заре Охтеурье,
чуть упрутся
в сосновые избы лучи.
Бьется в берег весна
полой вахской волною,
гонит выводок лодок
рыбацких в затон.
Чу!.. мотор застучал
монотонно желною...
Кто-то тихо сказал,
вроде как сам с собою:
«Золотой... Начинается
день золотой!»

1999 г.

Добро и зло... Когда-то в чистом виде
Они раздельно жили на земле.
Но кто-то, вечный мир возненавидя,
столкнул коварно лбами их во мгле...

Разбились в прах они при столкновеньи,
поплавились, смешались, как песок...
Зло разносило ветра дуновеньи,
Зло прилипало и к подошвам ног...

Добра ж редки крупинки в чистом виде:
обманок, брекчий высится гора.
...Но я тебя, любимая, увидел:
ты — самородок чистого Добра.

1999 г.

д
 оть полночь — не хочется ложиться!
 Сна нет совсем, глаза — хоть зашивай.
 Луна в зените... Шумно копошится
 за стенкою балка таежный май...
 Душевно потянуло обнажиться:
 «А ну, душа, застенчивость — сымай!
 Предстань пред миром вся — какая есть ты!
 Как груди, выставь чувства напоказ...
 А вызвав волны зависти и лести,
 сокройся вновь от похотливых глаз...»
 Душа заплакала: «Да разве ты невесте
 прикажешь обнажиться в светлый час?..»

1999 г.

КОНЕЦ ВЕКА

Как ласточки на проводах — кукушки!
Откуковал свое двадцатый век
и у тысячелетья на макушке
устало сел, не подымая век...

Чего ж грустить? Пусть многое не сбылось,
и многое не сбудется... Но я
не позабуду, как беззвучно билась
мать — с похоронкой на отца — моя...

И не забудется среди торжеств в угаре, —
ведь пенье скрипок перекроет гонг?! —
как вслух сказал: «Поехали!» — Гагарин,
и что сказал про лунный шаг Армстронг...

Не позабудется и многое другое —
что станет знаком переломных лет.
И сбудется пророчество благое:
Россию эра ждет
свершений
и побед.

2000 г.

Как родимый отец, — строго, — ректор сказал:
«Направленья в Сибирь я тебе подписал!»
Подписал? Ну и что ж: аль Сибирь мне невеста?
Отпашу свой оброк — и на новое место:
приглашали меня земляки в Бугульму.
Подписал? Ну и Бог с ним... И — быть по сему!
Я поехал. Без страха. Без радости — тоже.
Как на встречу с невестой — рябой иль пригожей?
Был наш ректор жестокий и хитрый мужик:
тридцать лет не прошло — к северам я привык.
Ох, крепка оказалась сибирская сворка!
Я судьбою своей подтвердил поговорку...
Подо мной проплывает матерый кедрач —
от любви разрывается сердце — хоть плачь!
Тот кедрач, как бобер, припушен сединою:
по опушкам
березки белеют сквозь хвою...
Изумрудная замша весенних болот...
Одинокий,
разбитый донельзя балок...
Вот и озеро...
Формой на сердце похоже...
А на нем — буруны... Или лебеди, может?
Вправду — лебеди!..
Крылья-то — как паруса...

Чудо-птицы!.. Привольного края краса...
...Сколько белых ночей надо мной пролетело
лебединою стаей!.. Голова поседела...
Лишь, как прежде, душа — молода...
Молода! —
над душою не властны, как видно, года.

1971, 1994 гг.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Сие растение, похожее на кактус,
дочь, уезжая, поручила мне...
Его,
она сказала,
на окне, —
зимой! в мороз! — держать мне надо как-то,
соизмеряя северный наш фактор,
с его природной южностью корней...

За ним ходил я много зимних дней,
не нарушая с дочерью контракта.
И, наконец, к весне — вознагражден:
среди колючек вдруг расцвел бутон

пурпурно-алый!.. Как по мановенью
кудесника: всё — за одну лишь ночь!

...Вот так однажды превратилась дочь
из девочки в невесту
за мгновенье.

1993 г.

ХРАМ

Там, где вод и леса панорама
уходила прямо в высоту,
у полуразрушенного храма
постигал я сердцем Красоту.

Плёсы, словно ризы, золотели,
воздух пахнул райскою травой.
Кажется, что ангелы летели
у меня над самой головой.

II

Благословит Господь на праведное дело —
и вновь из праха возродится Храм.
Достичь единства и души, и тела
своею волей Бог поможет нам!

ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ КНИГИ

Свой сборник стихов Виктор Козлов назвал «От Покрова до Покрова». Очевидно, что в название заложен какой-то сакральный смысл. Православный Покров испокон веков венчает собой время, когда урожай собран, закрома полны зерном и можно пенным пивом, плясками да песнями возблагодарить матушку-землю за щедрость. На Руси играют свадьбы, а природа затихает в ожидании зимних снегов (взмаха «одного рукава») и последующего пробуждения (волшебства «из другого рукава»). Этот замкнутый цикл повторяется из года в год, из века в век, так же, как и жизнь человеческая...

Поэт Виктор Козлов в своем стихотворном сборнике словно бы повторяет этот природный жизненный путь. Он принадлежит к поколению, детство которого пришлось на годы войны. Об этом стихотворный цикл «Воспоминание о Малышовке». Каждая строфа здесь пронизана детским горем и слезами об отце, погибшем на фронте, жалостью и глубоким сочувствием к матери, рано оставшейся вдовой. Виктор Козлов один из немногих, кто сумел стихотворной строкой донести до нас, ныне живущих, те «запахи и звуки», которые способны ранить самое черствое сердце, исцеляя его от равнодушия и холодного цинизма современной жизни.

Цикл «Навстречу тяготенью» — уникальная стихотворная летопись начала освоения «большой нефти» Западной Сибири. Нам крупно повезло, что поэт Виктор Козлов по первой профессии — горный инженер.

Его стихи — это бесценные свидетельские показания о жизни тех, кто первыми пришли в эти необжитые, суровые края — геологов, буровиков, которые выбрали названия своим базам, ставшими впоследствии городами... Незатейливый походный быт, далеко не героические характеры участников героических событий — это настоящая панорама, которую мысленно воссоздаешь, читая поэта-нефтеразведчика.

В Мегион судьба забросила Виктора Козлова в семидесятые годы; в нем он живет и ныне с детьми и внуками, городу посвящен в сборнике целый цикл стихотворений. Только такой как он, наблюдательный человек, способен самое обыденное сделать предметом искусства, обратив его в поэтические строки. Вот так маленький Мегион стал источником вдохновения поэта...

Философские размышления о времени и о себе также не чужды перу поэта. Так случилось, что Россия живет на изломе времени, когда меняются идеалы и духовные ценности. Старшее поколение, к которому принадлежит Виктор Козлов, по разному, часто отрицательно относится к новым веяниям времени. Автор смотрит на них со своей точки зрения и всегда способен объяснить и отстоять ту или иную позицию.

Одним словом поэтический сборник «От Покрова до Покрова» имеет не только художественную, но и историческую ценность. Невозможно переоценить этот поэтический труд, ибо в нем нет ни капли лжи и лести, которыми была буквально пронизана советская поэзия и часто грешит современная, сменившая нравственные приоритеты. Может в этом и состоял Божий промысел, чтобы Виктор Козлов будучи по сути поэтом, все-таки оставался горным инженером?

Анастасия Кедрова

ОБ АВТОРЕ

Виктор Николаевич Козлов родился на Алтае в Косихинском районе. Учился в деревенской школе в Башкирии, затем в Уфе — в 10-й МСШ.

С 1961 года, после окончания Уфимского нефтяного института, живет и работает в Тюменской области. Был помощником бурильщика, инженером, начальником РИТС, главным технологом, главным инженером. Участник открытия и разведки более двадцати месторождений нефти и газа. Изобретатель, имеет авторские свидетельства, печатался в научно-технических изданиях.

Первые публикации стихов и прозы приходятся на студенческие годы (лауреат конкурса газеты «Советская Башкирия» на лучший очерк в 1960 году).

Произведения В.Н.Козлова печатались в полутора десятках коллективных сборниках, региональных и всесоюзных, выходявших в разное время.

Виктор Николаевич — автор пяти поэтических и девяти книг прозы, выходявших в различных издательствах.

Он — ветеран нефтеразведки, член Союза писателей России, лауреат литературной премии губернатора Югры за 2005 год.

Живет в Мегионе.

СОДЕРЖАНИЕ

Притяжение севера. <i>Н.Денисов</i>	3
От Покрова до Покрова	9

ВОСПОМИНАНИЕ О МАЛЫШОВКЕ

Путь в Малышовку	13
«Вся по матери родня...»	15
«В начальную школу в Покровку...»	16
Троица	17
«В Малышовке избы — из осины...»	18
«Во мгле искристой Малышовка...»	19
«...А тут и волки зачастили...»	20
«Дуплистые вязы в Казенном лесу...»	21
«Жаркий полдень...»	22
«В теплых сумерках перепелка...»	23
Жара	24
Засуха	25
Осенний призыв 47-го года	26
Лето 48-го	27
«Гроза прошла...»	29
Сошествие	30
Благовест	31
Родничок	32
Баллада о Мише Тазларе	33
«Лапоть башкирский плетется с носка...»	34
Безымянная наша река	35
В крещенский мороз	36
Памяти матери	37
«И хоть февральские ознобы...»	42
«Радость в сердце пообвыкла...»	44
После похоронки	45
Конец войны	46
«Мальчишки топчут лебеду...»	47
«...Такая мне душа дана...»	48
«На фронте мы не воевали...»	49
«Я из тех, кто сейчас вымирает...»	50
«Простим невольную обиду...»	51
Основы жизни	52

НАВСТРЕЧУ ТЯГОТЕНЬЮ

«На долото, что поднято с забоя...»	55
Бурильщик	56
«Знал я, что Россия необъятна...»	57
Пурга	58
Первый полет	59
Усть-балык — 61	60
«У нас уже падают листья...»	62
«Возноси ты не очень свой нос...»	63
Топографы	64
Остров	66
Где-то в болотах	67
Предвесеннее	68
Жизнь геолога	69
«Когда впервые я на самолете...»	70
«Надоели мне зимних ночей словопренья...»	72
Сургут	73
«Счастье может быть карточным...»	75
Угодия зимы	76
Весеннее	77
Утро на буровой	79
Концерт	80
Арбуз	81
«Земля, земля.. Ты к нам добра...»	82
На Черном мысу	83
Северная погода	86
Новая планета	87
«Бескрайняя сибирская равнина...»	88
«Гроза промчалась...»	90
Зов севера	91
«Затейливых вод многолучье...»	92
В Сургуте	93
Девушки из нефтеразведки	95
«Подарил я кому-то спальник...»	96
Разведчики	97
«Пришел, как солдат на побывку...»	99
«Пора весенняя в природе...»	100
«Идут два друга.. Может, я и ты...»	101
На фонтане	103
В тундре	104
Буровик	105
На буровой	106
Люди и недра	108
«На Ермаках такое разнотравье...»	111
Заклинание	112
«В горельнике — дятлам раздолье...»	113
«Вновь такая сошла гроза...»	114

«Октябрь, а навигация на Вахе...»	115
Баллада о Тае	116
Разрядка	118
В старом Сургуте	119
Взгляд сверху на Камское взморье	120
«У машины ракетная дрожь...»	121
В центре союза	122
Притяжение	123
Ночь на Вань-Ёгане	124
Музыка стихий	125
Угутский сонет	126
Предгрозые	127
Осенний перелет	128
«На песчаных буграх...»	129
«Какая духота...»	131
Метаморфозы	132
На Верхней Тольке	136

НА ИРОНИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

«Город наш пока что пыльный очень...»	145
Сабантуй	146
В Южном	147
Новогодняя вахта	148
«Вот и осень. Беспечно леса...»	149
Пургайская баллада	150
«По насту...»	152
«Я понял: времена сменились...»	153
«Озадачливо закат...»	155
«Ты — как магнит: ослабевают чары...»	156
«Навалилась на меня кручина...»	157
«В котлопункте «на кусте»...»	158
«От Волги, Дона, Ак-Идели...»	159
«Сегодня в котлопункте...»	160
Ньюконкистадоры	161
«Брезентом старой раскладушки...»	162
Пилат	163
Результат гласности	164
Парадокс	165
Смутное время	166
В таежной бане	167
День геолога	168
Всему свой черед, или диалектика жизни	169
«Буровику балок — что кубрик...»	170
«Я ходил вокруг да около...»	171
Мистика	172
«Смотри: даже кактус цветет...»	173
«У меня всё нормально: семья...»	174

ПУТЕМ РАСКАЯНЬЯ

«Чернильно хмурится небо...»	177
В оранжерее	179
Ночной город	180
«С ладони...»	181
«На Урале буйны грозы...»	182
«Как ружье взметнул, уже не помню я...»	183
«Белых ночей паруса...»	184
«...Знаешь, не буду тебе обещать...»	185
Приобщение	186
«День прошел, будто списан по акту...»	187
«Ну что ж, таким не шутят...»	188
Ожидание встречи	189
Журавли	190
«Луна веселая на убыль...»	191
В Ханты-Мансийске	192
«Пригрело... Наст уже не держит...»	193
«Кама!.. Цвет аквамарина...»	194
Сбой	196
«Проплыл когда-то грустный иван-чай...»	197
Оттенки заката	198
«Полюбил я берез белостволье...»	199
«Суторминка-Суторма...»	200
«Предвесенняя свежая синь...»	201
«Я творю свою жизнь. И о Родине думаю часто...»	202
«Когда житуха так припрет...»	203
Озимки	204
Заход на посадку	205
Осень на Вахе	206
«Дочь моя дежурною сестрой...»	207
Встреча	208
Опора державы	209
Утро на тихом озере	210
«Со всех амвонов нам внушалось...»	211
Медсестра	212
«Удивившись, надо уходить...»	213
«Мой племяш — лентяй и созерцатель...»	214
Вечный свидетель	215
Солнечный ветряк	216
Лики творчества	217
«Судьба мне выпала такая...»	219
Движение жизни	220
«Хоть и бабье лето на дворе...»	222
Семейные часы	223
Разлад	224
Отклик	225
«Я тебя забывать погожу...»	226

Вахтовый роман	228
«В сыром бору по доброй воле я...»	229
«В години горести народной...»	231
«Глаза в глаза...»	232
«Время летит...»	233
Одной лыжной	234
«Тополя отстреливают ветки...»	235
Сонет о вас	236
«Вдали от милого порога...»	237
В Соцгороде	238
«На сугроб декабрьского дня...»	239
«Тяжело тебе придется без меня...»	240
«Стареют не деревья — древесина...»	241
«Тихо и грустно... А снег...»	242
«Накануне родства Богородицы...»	243
«Жизнь летела, длилась и кукожилась...»	244
«Малиновый закат, как рану туча лижет...»	245
«Теряем где-нибудь полушку...»	246
«Одной березы ветви...»	247
«Не могу себе живо представить...»	248
«Солнце сквозь голубой клочковатый туман...»	249
«Радость в моих угодьях...»	250
Ветры Югории	251
Возвращение	252
Любит — не любит	253
Миг преображенья	254
«С тобою неразлучны мы росли...»	255
Осенний парфюм	256

МЕГИОНСКИЕ МОТИВЫ

«Пусть морозы суровы, как прежде...»	259
Восход	260
Экспонат	261
Голубика	262
«Багульник в рост пошел. Его побеги...»	263
Январь — 77	264
Стихия	265
Ваховская элегия	266
На рыбалке	267
«Уходит геолог на пенсию...»	268
«По Югану всё смородина...»	269
«Труб — при спуске — громыханье...»	270
Дорожные размышления	271
«День, то, глянь, куда с добром...»	273
Гнус	274
«Так и не было бабьего лета...»	275
«Усталые листья притихших лесов...»	276

«Настенька мила и востроглаза...»	277
Отлет	278
Реликты	279
Мегионочка	280
Мегионская звезда	281
Медитация	282
То ли день, то ли ночь...	283
Серебряный день	284
«Вах разошелся!.. Но кажется, днями...»	285
Город над Мегой	286
Дорожники	287
Нет дорогам конца	288
«Поднимается туман...»	290
Ветеранские стансы	291
Вахтовый аист	293
«Ах ты, ночка, недотрога-ночка...»	294
«Разливается Вах...»	295
«Добро и зло... Когда-то в чистом виде...»	296
«Хоть за полночь — не хочется ложиться...»	297
Конец века	298
«Как родимый отец, — строго, — ректор сказал...»	299
Преображение	301
Храм	302
Впечатление от книги. <i>А.Кедрова</i>	303
Об авторе	305

Литературно-художественное издание

Виктор Николаевич Козлов

ОТ ПОКРОВА ДО ПОКРОВА

Стихотворения и поэма

Редактор *Г.В.Иванов*

Художник *И.Б.Старцева*

Компьютерная верстка *Я.С.Недвиги*

Компьютерный набор *Т.С.Иванова*

Подписано в печать 30.03.2007. Формат 70x90 ¹/₃₂*

Бумага *ВХИ*. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,28. Уч.-изд. 8,67.

Тираж 1000 экз. Заказ С-1209.

Банк культурной информации.

620026, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.

Тел./факс +7(343) 251-65-26.

E-mail: bki@sky.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

e-mail: idelpress@mail.ru

160 =

054542009

Государственная библиотека Югры

